

¹⁰⁶ Цит. по: Юность державы. С.431. В этом рассказе перед нами та же коллизия, что и в речи Толстого: генерал приказывает фельдмаршалу, нарушая армейскую субординацию, ибо за ним стоит воля самодержца, которая выше любых норм и порядков.

¹⁰⁷ Сб. РИО. Т.52. С.428,430,438,440; *Брикнер А.Г.* Императрица Екатерина. С.124.

¹⁰⁸ См.: Там же. С.126; Сб. РИО. Т.3. С.400; *Шмурло Е.Ф.* Указ. соч. С.358.

¹⁰⁹ Цит. по: Юность державы. С.267.

¹¹⁰ РГВИА. Ф.2583. Оп.1. № 104. Л.10.

¹¹¹ См.: *Анисимов Е.В.* Россия без Петра. СПб., 1994. С.27; *Перевороты и войны /Христофор Манштейн. Бурхард Миних. Эрнст Миних. Неизвестный автор. М., 1997. С.286.*

¹¹² См.: *Брикнер А.Г.* Императрица Екатерина. С.124; *Вильбуа Ф.* Рассказы о русском дворе // *ВИ. 1992. № 4-5. С.147; Сб. РИО. Т.15. С.254,260; Т.52. С.438,443; Т.66. С.81.*

¹¹³ *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч. В 91-м т. М., 1936. Т.17. С.402.

¹¹⁴ См.: РГВИА. Ф.2584. Оп.1. № 19. Л.22,55.

¹¹⁵ См.: РГАДА. Ф.248. Оп.37. № 2284. Л.88 об.

¹¹⁶ См.: Сб. РИО. Т.52. С.438,441; *Шмурло Е.Ф.* Указ. соч. С.359-360.

¹¹⁷ См.: *Брикнер А.Г.* Россия и Дания при императрице Екатерине I. С.58; Юность державы. С.429.

¹¹⁸ См.: РГАДА. Ф.1292. Оп.1. № 95. Л.1083.

¹¹⁹ См.: Там же. Ф.248. Оп.31. № 1937. Л.180; Ф.279. Оп.1. № 23186. Л.154 об.

¹²⁰ См.: *Платонов С.Ф.* Книга расходная петербургского комиссариата соляного правления 1725 г. // *Летопись занятий Археографической комиссии. Л., 1927. Вып.34. С.281; РГАДА. Ф.9. Оп.4. Ч.2. № 73. Л.857,878-878 об.*

¹²¹ См.: РГВИА. Ф.2584. Оп.1. № 53. Л.135-135 об.,145.

¹²² См.: РГАДА. Ф.9. Оп.4. Ч.2. № 73. Л.857.

¹²³ См.: Там же. Оп.5. № 2/24. Л.4 об.,18; № 18. Л.42.

¹²⁴ См.: Там же. № 2/24. Л.27.

¹²⁵ См.: АВПРИ. Ф.15. Оп.15/3. 1725 г. № 19. Л.59.

¹²⁶ См.: *Вильбуа Н.П.* Краткие очерки или анекдоты о жизни князя Меншикова и его детей // *РВ. 1892. № 2. С.150; Толков И.И.* Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России. Ч.IX. С.207-208.

¹²⁷ См.: Сб. РИО. Т.52. С.440-441.

¹²⁸ См.: *Брикнер А.Г.* Императрица Екатерина. С.123-124; *Вильбуа Ф.* Рассказы о российском дворе // *ВИ. 1992. № 4-5. С.147; Сб. РИО. Т.3. С.408; Шмурло Е.Ф.* Указ. соч. С.364.

¹²⁹ Источники приводят различные сроки его смерти: Феофан говорит о четвертом часу утра, Кампредон и Лефорт — между 4 и 5 часами. Остерман в пометках на своей немецкой Библии поставил 5 часов утра; то же время было указано и в составленной в Коллегии иностранных дел «Записке о преставлении его императорского величества». «Походный журнал» царя сообщал, что «28-го в 6 часу пополудни в I четверти его императорское величество Петр Великий преставился от сего мира от болезни, урины запору» (см.: *Каратыгин П.П.* Семейные отношения Остермана // *ИВ. 1884. № 9. С.611; РГАДА. Ф.375. Оп.1. № 47. Л.1; Павленко Н.И.* Петр Великий. М., 1994. С.556; Сб. РИО. Т.52. С.427; Т.3. С.399).

¹³⁰ Переданный Гогенгольцем рассказ самого Бассевича показывает как творилась легенда: в беседе с информированными дипломатами сразу после событий голштинцев упоминал, что Петр «действительно написал несколько строк, но потом от слабости у него вываливалось из рук перо. Прочсть эти написанные им строки нет возможности» (РГАДА. Ф.1292. Оп.1. № 95. Л.1079 об.). Но тогда Бассевич ничего не сказал о якобы имевшем место обращении царя к Анне; видимо, это «добавление» было сделано уже позднее.

¹³¹ См., например: *Гельбиг Г.* Русские избранники и случайные люди // *РС. 1886. № 4. С.37-38; Молин Ю.А.* Тайны гибели великих. СПб., 1997. С.52,55. Проведенная в 1970 г. экспертиза всех данных о болезни Петра I пришла к заключению, что царь умер в результате злокачественного заболевания предстательной железы или мочевого пузыря (см.: *Павленко Н.И.* Петр Великий. С.557).

¹³² Цит. по: *Брикнер А.Г.* Императрица Екатерина. С.123; Сб. РИО. Т.52. С.436.

^{132a} РГАДА. Ф.1292. Оп.1. № 95. Л.1077.

¹³³ См.: *Беспярых Ю.Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л., 1991. С.213-214. Впоследствии эта трактовка вошла в некоторые учебники истории XVIII века (см.: *Дмитриев-Мамонов Ф.И.* Хронология. М., 1782. С.219.; *Нехачин И.* Новое ядро российской истории. М., 1810. Ч.2. С.410).

¹³⁴ См.: *Шмурло Е.Ф.* Указ. соч. С.364.; РГАДА. Ф.248. Оп.37. № 1937. Л.184; № 1938. Л.23 об.

ГЛАВА IV

1725–1729: КОНСТРУКЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ ПОСЛЕПЕТРОВСКОЙ МОНАРХИИ

Вся Россеюшка у нас позамялася...
Исторические песни XVIII в.

Окружение «матери всероссийской»

«Великая героиня и монархиня и мать всероссийская», — так обращался к Екатерине Феофан Прокопович в «Слове на погребение» Петра. Но едва ли сподвижники Петра действительно могли преклоняться перед далекой от государственных дел женщиной сомнительного происхождения, ими же и возведенной на престол.¹

В массовом сознании Екатерина, видимо, воспринималась как добрая хозяйка и жена, но не природная царица и уж никак не достойная верховного правления «баба». Даже в песнях солдат петровской армии она не представлялась законной наследницей «империя»; на смертном одре Петр завещал:

*«Сенат судить князьям-боярам, всем старшим фельдмаршалам;
А каменную Москву и Россию — Кате, а империю — царевичу...»²*

Внешность Екатерины вполне отвечала духу времени: она была, по словам историка и придворного графа С.Д.Шереметева, «очень телесна во вкусе Рубенса и красива». Сохранившиеся же документы соответствуют народным представлениям: показывают Екатерину эконожкой, погруженной в хозяйственные заботы дворцового обихода.³ Что же касается государственных способностей императрицы, то новая правительница могла поддерживать разговор на четырех языках, усвоила внешний облик сановного величия и некоторые — весьма скромные — представления о стоявших перед страной проблемах.

После смерти Петра на Екатерину обрушился поток жалоб и челобитных, начиная от обращений канцлера и кончая прошением «придворной полomoйки» Дарьи Ивановой («при ней восемь баб») о выдаче им хлеба, соли и крупы. Г.И.Головкин просил о повышении в чинах сына, П.П.Шафиров — о прощении долгов, обер-шенк А.М.Апраксин — о выдаче ссуды в 3 тысячи рублей и т.д. Но чаще всего просили о пожаловании «деревня-

ми». Об этой награде подавали прошения поручики и капитаны гвардии (А.Ушаков, И.Корсаков, Л.Микулин, И.Толстой, А.Украинцев, С.Желтухин, С.Юрьев, Л.Ляпунов, И.Сафонов, В.Нейбуш, Е.Пашков, А.Шаховской, Ф.Шушерин), гофмаршал Д.Шепелев, обер-прокурор И.Бибииков, лейб-медик И.Блюментрост, граф С.Владиславич-Рагузинский, сенатор В.Л.Долгоруков – вот перечень фамилий всего с нескольких страниц одной из книг входящих документов кабинета за 1725 г.⁴

Отныне так будет происходить каждый раз при сменах фигур на престоле: воцарившийся претендент вынужден будет награждать многочисленных просителей за действительные и мнимые заслуги. Чтобы остановить поток прошений, издаются специальные указы о запрещении подачи челобитных лично императрице, что также станет традицией. О пожаловании же деревнями разрешалось просить только за счет «отписных» и выморочных владений.

В первые дни после воцарения царская резиденция была доступна для посещения поздравлявшими и просителями. Но уже в феврале 1725 г. Екатерина запретила караулу пускать во дворец людей «в серых кафтанах и в лаптях», а в октябре приказала все прошения на ее имя подавать только в «надлежащих местах», за исключением доносов «по первым двум пунктам». Во дворце дамам запрещается уезжать домой без спроса, дежурным камергерам велено не пускать никого в «передспальню» и не разрешать желающим играть на билльяре, поскольку «та забава имеетца для ее величества».⁵

Отбыв положенный траур, старевшая императрица стремилась наверстать упущенное время с помощью нарядов, праздников и прочих увеселений, не отличавшихся изысканностью вкуса.⁶ Закаленный на придворной службе у польского короля племянник петровского «дебошана» Иоганн Лефорт с удивлением передавал свои впечатления от жизни петербургского двора: «Кто бы мог подумать, что он целую ночь проводит в ужасном пьянстве и расходится, это уж самое раннее, в пять или семь часов утра». Придворный «Походный журнал» за 1726 г. вполне подтверждает «полуночный» образ жизни императрицы с ночными застольями. По петровской традиции она еще посещала верфи, госпитали и выезжала на пожары, но большую часть «рабочего времени» посвящала прогулкам «в огороде в летнем дому», в других резиденциях и по улицам столицы и регулярным застольным «забавам» и «трактованиям».⁷

Екатерина обещала «дела, зачатые трудами императора, с помощью Божией совершить», и по мере возможности следовала этой программе. В феврале она утвердила на уровне рассмотренные Петром штаты государственных учреждений. Отправилась в путешествие экспедиция капитан-командора Витуса Беринга. 15 августа 1725 г. Екатерина дала аудиенцию первым российским академиком. В новой столице продолжали мостить улицы и на «Перспективной дороге» – будущем Невском проспекте – поставили первые скамейки для отдыха прохожих. Указ 5 июля решительно запрещал даже отставным дворянам под страхом штрафа и битья батогами ходить «с бородами и в старинном платье», в крайнем случае – предписывал щетину «подстригать ножницами до плоти в каждую неделю по дважды». На русскую службу по-прежнему охотно принимались иностранцы.

Однако прежний курс проводился с гораздо меньшей энергией. Сразу же после смерти Петра прекратились заседания комиссии по подготовке нового Уложения. Многие ее члены нашли себе иные занятия, несмотря на приказ Екатерины 1 июня 1726 г. пополнить комиссию выборными из разных сословий и срочно начать «слушать» уже готовый текст.⁸

Часто личная инициатива Екатерины представляла собой не более чем карикатуру на петровские замыслы. Ассамблеи из места делового общения превращались в основное занятие для узкого круга придворных, изучение и применение заграничных новшеств – в заказы на покупку тропических «дивных птиц» и «прожорливого и жадного» муравьеда, выдвижение талантливых помощников – в пожалования новым фаворитам (П.Сапеге, Р.Левенвольде) и родне.

Главной своей государственной задачей императрица видела устройство достойных «партий» для дочерей. Брак старшей, Анны, был уже предрешен Петром; и в результате в круг высшей российской знати вошел герцог Карл-Фридрих Голштинский, пытавшийся с помощью тещи играть самостоятельную роль. Судьбу младшей, Елизаветы, еще предстояло решить, вместе с вопросом о будущем союзе для поддержания политического равновесия в Европе.

Воцарение Екатерины в столице прошло спокойно, и иностранные дипломаты сочли необходимым доложить о тишине на городских улицах. Но все же в первые дни Екатерину бдительно охраняли: майор Ушаков ни на минуту не покидал ее и вместе с караулом ночевал во дворце; были выделены также специальные полицейские команды для патрулирования улиц Петербурга.⁹ В Москву для охраны порядка при приведении к присяге был направлен преображенский майор И.И.Дмитриев-Мамонов.

Для настроений в Петербурге характерно поступление доноса на ведущего российского дипломата Б.И.Куракина: прежний посол в Париже барон Шлейниц обвинял его не только в принадлежности к «партии великого князя», но и в том, что князь сам «имеет претензию к короне российской».¹⁰ Опасались и возможного сопротивления расположенной на Украине армии под командованием М.М.Голицына, чей старший брат только что выступал в числе противников воцарения Екатерины. Поэтому, по данным Кампредона, «нескольким надежным офицерам был послан приказ схватить Голицына при малейшей попытке заговора или неповиновения с его стороны».¹¹ Самому же командующему объявили выговор за долгое молчание в ответ на приказ о приведении войск к присяге.¹² Но присяга была принята войсками без каких-либо осложнений; отказывались присягать единицы, как поручик Выборгского полка Григорий Баландин.

Екатерина запомнила попытку сделать ее регентшей на равных правах с Сенатом. Туда были уже в феврале делегированы два участника январских событий – И.И.Бутурлин и А.И.Ушаков; в следующем году Сенат пополнила большая группа сановников, в числе которых были генерал-полковник-полковник Петербурга А.М.Девьер и майоры гвардии И.И.Дмитриев-Мамонов, Г.Д.Юсупов, С.А.Салтыков. С учреждением в феврале 1726 г. нового органа

— Верховного Тайного совета — Сенат потерял название «Правительствующего» и был оттеснен на задний план. То же произошло и с внуком Петра: синодский приговор 28 января 1725 г. предписывал в «возношении» на богослужениях из лиц императорской фамилии упоминать только саму Екатерину и «благочестивейшие государыни цесаревны». ¹³ На коронации Екатерины мальчик не присутствовал.

Впрочем, репрессий против сторонников внука Петра I не было — все они сохранили свои посты. Даже, напротив, в мае 1725 г. по случаю свадьбы Анны Петровны и герцога Голштинского П.М.Апраксин, В.Л.Долгоруков и Д.М.Голицын были пожалованы в действительные тайные советники, а брат последнего М.М.Голицын — в фельдмаршалы; остался он и главнокомандующим Украинской армии, и полковником Семеновского полка.

Головкин, Меншиков, Бутурлин и Бассевич стали кавалерами ордена Андрея Первозванного, кабинет-секретарь Макаров — генерал-майором и тайным советником, Остерман — вице-канцлером и действительным тайным советником. Из ссылки были возвращены опальные: генерал князь В.В.Долгоруков, П.П.Шафиров, все осужденные по делу Монса и арестованная по делу гетмана Полуботка украинская старшина. Именным указом Тайной канцелярии в июне 1725 г. Екатерина повелела прекратить все дела по доносам фискалов, начатые до 1721 г. В столице власти установили твердые цены на хлеб, которые продавцы должны были выставлять на дощечках-ценниках под угрозой порки «кошками» с конфискацией товара. Прочим подданным империи была сокращена на 4 копейки подушная подать.

И все же празднества и раздачи наград не могли скрыть подспудного напряжения вокруг новой государыни. Гвардию держали под контролем: полковые командиры не обладали правом даже самостоятельно назначать учения и должны были каждый раз иметь особое распоряжение на получение полковых пушек. В то же время Екатерина и ее окружение как будто чувствовали себя не слишком уверенно и спешили снискать расположение солдат и офицеров. Уже 29 января полки получили обещанные 50 тысяч рублей жалованья. Полковая переписка отразила возросшие аппетиты гвардейцев. ¹⁴

По примеру Петра «полковница» Екатерина присутствовала на «экзерцициях», делала подарки по 10–15 червонных на именины и крестины гвардейцев, где сама или с Елизаветой являлась «восприемницей»; лично разбирала их прошения и оказывала щедрую помощь нуждавшимся. Царица следила и за продвижением по службе; так, 12 апреля 1725 г. она приказала произвести по 12 человек рядовых (из дворян) из каждого батальона в прапорщики. ¹⁵ Отличившийся при «избрании» императрицы А.И.Ушаков стал кавалером новоучрежденного ордена Александра Невского и — в феврале 1727 г. — генерал-лейтенантом. Отметившийся в январе 1725 г. Петр Ханыков получил первый обер-офицерский чин фендрика в Преображенском полку и был отправлен в ответственную командировку; в следующем году он был пожалован в подпоручики. ¹⁶

Документы Кабинета императрицы говорят о пожалованиях в 1725 г. крестьянских «дворов» по челобитным гвардейцев: капитанам преображен-

цев Ф.Полонскому и А.Танееву, капитан-поручикам Г.Гурьеву и С.Желтухину, поручику А.Микулину, подпоручику А.Лукину и другим офицерам. ¹⁷ Так зарождалась опасная для самой власти традиция «оплаты» услуг офицеров и солдат, которые могли подумать о цене своей преданности.

«Великая перемена чинам» генералов и офицеров прокатилась по армии. В иной день Екатерина подписывала по сотне новых офицерских патентов. ¹⁸ Повальные награждения, судя по мемуарам В.Нашокина, радовали не всех, поскольку происходили «не по порядку», нередко без учета действительных заслуг и приводили к возвышению выходцев «от солдатства». ¹⁹

Дела Тайной канцелярии свидетельствуют о том, что даже в рядах гвардии — наиболее преданной опоры режима — не все были довольны: железной руки Петра уже не было, а награды доставались явно не всем желающим. Доносы передавали ворчание гвардейцев: «Не х кому нам голову приклонить, а к ней, государыне, ... господа де наши со словцами подойдут, и она их слушает, что ни молвят. Так уж де они, ростакые матери, сожмут у нас рты? Тыфу де, ростакая мать, служба наша не в службу! Как де вон, ростаким матерям, роздала деревни дворов по 30 и больше, ... а нам что дала помянуть мужа? Не токмо что, и выеденова яйца не дала». Преображенский сержант Петр Курлянов сожалел: «Императора нашего не стало, и все де, разбодена мать, во дворце стало худо»; а солдат того же полка Петр Катаев говорил, что смерть Петра «даровала многим живот», поскольку он «желал всех их смерти». ²⁰

В новой ситуации на первый план выходят скорее сугубо «преторианские» настроения гвардии, чем сознательная приверженность реформам: рядовые гвардейцы считали, что их заслуги должным образом не оценены, а во дворце «стало худо». Упала дисциплина в полках. ²¹

Можно предполагать, что недовольство прорывалось не только в словах. Кампредон сообщал в Париж о подозрительных случайностях, угрожавших жизни самой Екатерины. В октябре 1725 г. на учениях внезапным выстрелом был ранен находившийся рядом с ней лакей. В следующий раз, в январе 1726 г., императрица наблюдала из окна нижнего этажа дворца за экзерцициями солдат, выстроенных на льду Невы. По словам Кампредона, при втором залпе одного гвардейского взвода некий новгородский купец, стоявший в четырех шагах от упомянутого окна, упал, сраженный насмерть пулей, ударившейся затем в стену дворца. Екатерина сохранила хладнокровие, но якобы заметила, «что не несчастному купцу предназначалась эта пуля». ²²

Полковой архив подтверждает последнее происшествие: 26 января 1726 г. выстрел из рядов выстроенных на Неве семеновцев уложил безвестного «мужика» на набережной у дворца. В тот же день офицеры осматривали у солдат патроны, приказ по полку за объявление виновного обещал следующий чин. Сказалась гвардейская солидарность: стрелявшего так и не обнаружили, а комплект патронов оказался у 7 человек. Всех подозреваемых через неделю освободили; но отныне на учениях и парадах солдатам полагалось выходить «без пуль» под страхом «жестокой смерти». ²³ Уже через месяц после этого события репрессиям по неизвестной причине подверглась личная гвардия Меншикова — Ингерманландский полк: были арестованы полковник Е.Маврин и 40 солдат.

Имели место случаи отказа от присяги императрице: «Не статочное дело женщине быть на царстве, она же иноземка». В августе и ноябре 1725 г. объявившиеся было лже-Алексеи были казнены, но уже «созревали» новые самозванцы.²⁴ В плохо сохранившихся за этот период делах Тайной канцелярии попадаются сообщения о казни (наказании довольно редком в ее практике) нескольких лиц: рассыльщика Ф.Бородина, крестьянина Е.Белокопытцева за неизвестные, но «великие» преступления. В 1726 г. был тайно заточен в Шлиссельбурге шведский шпион капитан Цейленбург, которого было приказано держать в строжайшей изоляции; спустя 15 лет Тайная канцелярия даже не смогла объяснить причин ареста. Имеются известия об уничтожении таких дел (например, показания казненного в 1726 году «калуженина» А.Анцифорова).²⁵

В мае 1725 г. отправился в Соловки «карла» императрицы Яким Волков за «противные его слова против персоны ее императорского величества». ²⁶ Священник стоявшего в Петергофе Нарвского полка Иван Алексеев был арестован за отказ от присяги и заявление, что Синода «он не знает, а знает патриархов и своего архиерея». ²⁷ В мае 1725 г. датский посол Вестфален сообщал о казни какого-то полковника, также не признавшего новую императрицу. Зимой и весной 1726 г. в столице горели дома обывателей и трижды — Адмиралтейство, где были уничтожены 30 новых галер и 30 тысяч пудов провианта для флота. Власти предполагали диверсию и искали поджигателей; но был пойман и казнен лишь несовершеннолетний Аристов, поджигавший дома соседей. ²⁸

В такой обстановке в декабре 1725 г. было решено создать специальную охрану императрицы — кавалергардскую роту «из знатного шляхетства самых лучших людей из прапорщиков и из поручиков». В течение нескольких месяцев Военная коллегия подбирала кандидатов на эту почетную службу — но не из гвардии, а из офицеров армейских полков. К началу 1727 г. эта «гвардия в гвардии» насчитывала 56 человек во главе с капитан-лейтенантом Меншиковым и тремя капралами — И.И.Дмитриевым-Мамоновым, А.И.Шаховским и Эвертом Боем; в число телохранителей принимались и «немцы» — курляндские дворяне Ю.Ламздорф, Э.Каульбарс, М.Ливен. ²⁹ В начале 1727 г. очередной манифест предупредил подданных, что «за неправедные и противные слова против членов императорского дома без всяких отговорок учинена будет смертная казнь без пощады». ³⁰

Начались конфликты между победителями. Сначала Ягужинский вступил в ссору с Меншиковым; в апреле разразился новый скандал, виновником которого оказался вице-президент Синода и новгородский архиепископ Феодосий Яновский. «Духовные пастыри весьма порабощены», — считал он, отказавшись служить панихиду по императору. Остановленный 12 апреля при въезде на мост близ дворца (спящая до полудня императрица запрещала пропускать грохочущие кареты), Феодосий заявил, что «я де сам лутче светлейшего князя», и в гневе отправился к царице; когда его не пустили, «вельми досадное изблевал слово, что он в дом ея величества никогда впредь не войдет, разве неволею привлечен будет». ³¹

После неоднократного отказа архиепископа явиться к царскому столу терпение Екатерины иссякло. Следствие во главе с П.А.Толстым быстро нашло обвинительный материал в виде «продерзливых слов» Феодосия и

его заурядных хищений из сокровищниц новгородских монастырей. В итоге первое в церковной иерархии лицо было осуждено «за некоторый злой умысел на Российское государство» к вечному заточению в Николо-Корельском монастыре. ³²

Особо строгие условия заточения (владыку заживо замуровали в камере и не допускали говорить с ним наедине даже священника) заставляют исследователей предполагать, что Феодосий обладал какими-то очень неприятными для властей секретами. ³³ К тому же правительство было весьма озабочено заграничной реакцией на это событие и предписало послу в Гааге И.Г.Головкину объяснять арест архиепископа его «церковными преступлениями» и немедленно «опровергать и уничтожать» любые иные толкования в прессе. ³⁴

Незадолго до ареста владыка предсказывал дальнейшие «междуусобия». Он был не одинок в своих предположениях: весной 1725 г. Кампредон отмечал, что никакого единства среди министров нет и все усилия направлены «к приобретению наибольшего влияния в ущерб друг другу». ³⁵

Верховный Тайный совет: первые шаги

В таких условиях основной задачей для правящей верхушки стала необходимость хотя бы относительной консолидации для решения важнейших проблем при слабой и болезненной императрице. Политическим отражением подобной ситуации стало появление в феврале 1726 г. Верховного Тайного совета «как для внешних, так и для внутренних государственных важных дел». В числе инициаторов этого проекта современники называли разных лиц — Меншикова, Толстого, Шафирова, Остермана, Бассевича, что только подтверждает осознанную потребность в таком объединяющем центре.

Начиная с мая 1725 г. иностранные дипломаты не раз называли кандидатуры в состав предполагаемого «тайного совета», в том числе Меншикова, Шафирова, Толстого, Макарова, В.Л.Долгорукова, герцога Голштинского. ³⁶ О переговорах заинтересованных лиц говорят и «повседневные записки» Меншикова. В итоге в состав нового учреждения вошли сам Меншиков, П.А.Толстой, Г.И.Головкин, Ф.М.Апраксин, А.И.Остерман и из представителей «оппозиции» — князь Д.М.Голицын.

В историографии появление нового высшего органа власти однозначно оценивалось как компромисс между старой и новой петровской знатью, но относительно его роли в системе власти единства мнений у историков не было. К концу XIX века, когда обращение общественной мысли России к истории стимулировалось поисками путей дальнейшего развития страны и реформ ее государственного строя, актуально выглядела точка зрения, рассматривавшая образование этого органа как изменение самой «сущности правления», когда власть императора «из личной воли превращалась в государственное учреждение», и даже как «первый шаг к конституционному проекту 1730 г.». ³⁷

Другие исследователи утверждали скорее «олигархический» характер подобных ограничений, ³⁸ на что последовали возражения: Совет являлся исключительно совещательным учреждением при монархе. ³⁹ В настоящее вре-

мя большинство исследователей склоняется к тому, что Верховный Тайный совет стал «чисто абсолютистским органом», необходимым при слабом или неспособном к правлению монархе для решения текущих дел верховного управления при недостаточной оперативности и загруженности Сената.⁴⁰

Последняя точка зрения кажется нам справедливой. Потребность в координирующем органе витала в воздухе: достаточно указать на учреждение такого совета по делам «великой важности» в феврале 1720 г. При Петре I эта потребность компенсировалась энергией и универсальными способностями монарха, но при его преемниках уже необходимо было отделить политическую власть от массы дел текущего управления.

Что касается сообщений дипломатов о стремлении «бояр» ограничить власть самодержца, то проверить их трудно, тем более что оценки происходивших в стране событий тесно связаны с успехами или неудачами самих послов в выполнении порученных им миссий. Не раз приводившиеся в литературе высказывания Кампредона о подобных планах появляются только с января 1726 г., когда наметилось резкое ухудшение отношений с Францией в связи с провалом переговоров о союзном договоре и протестом посла против военных приготовлений России. До этого того же князя Д.М.Голицына посол характеризовал как «весьма разумного» государственного деятеля, вовсе не склонного к поползновениям на прерогативы самодержца.⁴¹

Документы самого Совета свидетельствуют о том, что он не имел сколько-нибудь четкого регламента и определенного круга своей деятельности; только завещание-«тестament» Екатерины I сделало его после смерти императрицы официальным коллективным регентом при малолетнем государе. Сама Екатерина 12 раз посещала заседания Совета до сентября 1726 г. (т.е. примерно два раза в месяц), затем еще два раза в декабре и больше там не появлялась. В этой ситуации появился указ 4 августа 1726 г. о действительности распоряжений за подписями всех членов Совета, который был необходим для нормальной работы государственной машины.

В то же время получение Советом некоторых полномочий верховной власти юридически не ограничивало самодержавную волю монарха. Возможные покушения такого рода парализовались встречными шагами императрицы и ее ближайших советников. Екатерина I не утвердила пункт о том, что все рапорты и доношения подаются только в Верховный Тайный совет, и лично вычеркнула в черновике указа о его учреждении слова о «неотлучном» нахождении Совета при особе императрицы; в марте 1726 г. она потребовала, чтобы «о важных делах поставя протоколы и на мере и не подписав наперед для апробации к е.и.в. взносить... и как уже е.и.в. изволит апробовать, тогда подписывать и в действо производить».⁴²

Что же касается обещания Екатерины в 4-м пункте указа от 1 января 1727 г. не принимать никаких «партикулярных доношений о делах, о которых в Верховном Тайном совете предложено и общее мнение записано не было», то и во 2-м, и в том же 4-м пунктах этого указа названы исключения из этого порядка: «<...> разве от нас кому партикулярно и особливо что учинить повелено будет» или «кто имеет доносить о таких делах, которые никому иному, кроме нам самим, поверены быть могут».⁴³ Реа-

лизацией этого порядка стали указы о самостоятельных докладах императрице по делам своих ведомств и поручений Меншикова, Апраксина, командующих войсками на Украине и в Иране М.М.Голицына и В.В.Долгорукова, а также послов за границей. Оставляла Екатерина за собой и право в случае разногласий членов Совета получить их письменные мнения «для решения об оных».⁴⁴

Екатерина имела и иные способы воздействия на Верховный Тайный совет, поскольку назначала его членов. К тому же создание Верховного Тайного совета не прекратило борьбу в «верхах». Если в первые месяцы правления Екатерины наиболее влиятельным советником, судя по донесениям дипломатов, был Толстой, то уже в апреле 1725 г. в составленном Кампредоном списке русских министров на первое место уверенно поставлен Меншиков. Весной 1725 г. он вновь стал заседать в Военной коллегии и подписывать ее протоколы. В 1726 г. князь добился отправления на губернаторство в Ригу бывшего президента Н.И.Репнина и обновил состав коллегии.⁴⁵ К концу 1725 г. с Меншикова были сняты все обвинения в хищениях и денежные начеты в пользу казны.⁴⁶ В день ангела Екатерины он получил поистине царский подарок — украинский город Батурин с 1300 дворами и еще 2000 по соседству, в Гадячском округе.

Устранив неуравновешенного Ягужинского (с февраля 1726 г. его подпись исчезает из протоколов Сената, а затем он был отправлен послом в Речь Посполитую), императрица тут же ввела в состав Верховного Тайного совета своего зятя, герцога Карла-Фридриха, к крайнему неудовольствию Меншикова. В апреле того же года она сделала герцога подполковником Преображенского полка и лично представила его солдатам и офицерам.

Другим рычагом власти оставался Кабинет — отлаженная при Петре личная канцелярия царя во главе с опытным бюрократам А.В.Макаровым. Кабинет получал с мест необходимую информацию (всем губернаторам в 1726 г. было приказано о «новых и важных делах» сообщать прежде всего в Кабинет) и от имени Екатерины общался с Верховным Тайным советом. Оттуда же выходили именные указы императрицы, количество которых после образования Совета не уменьшилось. Они-то и касались прежде всего пожалований чинами и «деревнями», увольнений и назначений; в этих случаях императрица отстаивала свое право и вопреки мнению Совета.

Первые шаги новой власти явно были направлены на смягчение напряженного положения в стране. В марте 1725 г. было приказано вернуть в полки занятых этим делом офицеров, оставив для завершения работы по два человека на провинцию. Отменяется предписанная петровскими указами конфискация имений за утайку душ, а затем ликвидируется и штраф с дворян, уже подвергшихся за это пытке на следствии. Основной же массы подданных касались, помимо 4-копеечной сбавки с подушной подати, отмена штрафов за нехождение на исповедь и освобождение от повинности строить полковые дворы (при условии прежнего размещения войск на постой); губернаторам и воеводам запрещалось бесплатно брать подводы с крестьян для своих поездок. Наконец, в феврале 1726 г. казенным сибирским крестьянам разрешили уплачивать 40-копеечный сбор не деньгами, а хлебом.⁴⁷

Была издана инструкция генерал-фискалу, приводившая в порядок структуру фискального надзора;⁴⁸ принято решение о необходимости восстановления Ревизион-коллегии, куда указано присылать приходно-расходные книги полков.⁴⁹ Обеспокоенность состоянием финансов вызывалась не только тяжелым наследством (в числе прочих расходов приходилось по условиям Ништадтского мира выплачивать 2 миллиона талеров Швеции за приобретенные прибалтийские провинции), но и обострением международной ситуации. Именно проблемы внешней политики вышли в 1725–1726 гг. на первый план в деятельности новой императрицы и ее советников.

Перемены на российском престоле вызвали оживленную реакцию за границей. Российский посол в Вене Людвик Ланчинский докладывал о появлении в газетах «продерзостных ведомостей» и «злостных толкований» об обстоятельствах вступления Екатерины на престол.⁵⁰ С этого времени подобные недоступные для Тайной канцелярии «толкования» стали постоянной головной болью российского правительства и сопровождалась предписанием Коллегии иностранных дел об их опровержении, поиске и преследовании их авторов.

В других странах отклики на происшедшее в России были еще менее дипломатичными. Молодой посланник в Дании А.П.Бестужев-Рюмин только через месяц осмелился доложить, что по получении известия о смерти Петра «генерально все здесь о том великую радость восприяли»: не только знатные, но «и все подлые с радости опились было».⁵¹ Основания для ликования у датчан были: в последние годы царствования Петр в стремлении закрепить успехи своего оружия на Балтике потребовал от Дании отмены «зундской пошлины» при прохождении кораблей через принадлежавшие Дании проливы, а в качестве средства давления на бывшего союзника избрал претензии Карла-Фридриха, герцога маленького немецкого княжества Шлезвиг-Гольштинии и одновременно — претендента на шведский трон.⁵²

Но при Екатерине I «голлштинский вопрос» из дипломатического орудия стал основной целью русской внешней политики. Императрица стремилась возвести дочь и зятя на шведский престол и во что бы то ни стало вернуть им Шлезвиг, не останавливаясь перед международным конфликтом.

Однако, вопреки имеющимся в литературе утверждениям, военной угрозы Дании в 1725 г. не существовало. Заявления голштинских министров и самого Меншикова об угрозе «разорить» Данию на деле являлись блефом; французский посол докладывал в Париж о неподготовленности русского флота и вполне «штатном» характере военных приготовлений.⁵³ Вышедшая в июле из Кронштадта эскадра была отправлена к Ревелю с обычными задачами: «лабиринт для обучения и движения людей».⁵⁴ В апреле начались переговоры с датским послом в России Вестфаленом об условиях возможной денежной компенсации герцогу и поддержке его претензий на шведский престол.

Екатерина решила на военные меры по отношению к «непослушной» Дании только к началу следующего года. В январе 1726 г. Кампредон уже докладывал в Париж о близкой войне, а в феврале вопрос о под-

готовке флота и сухопутной армии к весне обсуждался на заседании Верховного Тайного совета: министры не возражали государыне, но в то же время указывали на предпочтительность «негоциаций», печальное состояние финансов и возможность вести будущую кампанию только при поддержке Австрии и прежде всего Швеции (которая отказалась помочь герцогу).⁵⁵

Советники Екатерины были осторожны еще и потому, что Россия вела еще одну войну в горах Дагестана и прикаспийских иранских провинциях. Состоявшийся в ноябре 1725 г. «тайный совет» принял решение «с вящей силою в Персии действовать, нежели доньне» и отправить в Иран еще пять полков. Дипломаты же должны были убедить шаха Ирана признать раздел его страны; в противном случае необходимо было позаботиться «об уставлении другого правительства в Персии».⁵⁶ Однако первоначальный успех вторжения развить было невозможно: предстояло думать не столько о путях в Индию, сколько о сохранении контроля над полосой в 50–100 верст по западному и южному берегу Каспия и решать возникшие в связи с этим проблемы во взаимоотношениях с Турцией, чья армия развивала успешное наступление в Закавказье.

И все же Военной коллегии было поручено подготовить 20-тысячный корпус,⁵⁷ Адмиралтейству — строить «к будущей кампании» новые галеры и починить старые; подготовлены два «бомбардирские» корабля, назначены капитаны. Сама императрица велела вооружить пушками свою яхту и собиралась лично возглавить флот в Ревеле.⁵⁸ 14 мая Адмиралтейств-коллегия отдала приказ выводить корабли на рейд, но в тот же день получила известие о том, что в Балтийское море вошла английская эскадра⁵⁹ из 22 вымпелов, к которой присоединились еще 8 датских кораблей.

23 мая адмирал Чарльз Уэйджер передал русским властям письмо своего короля, которое объявляло о недопустимости военного конфликта на Балтике. В тот же день Апраксин доложил, что Кронштадт к обороне не готов. Начинать войну без союзников и при полном превосходстве противника на море было невозможно; пришлось ограничиться приведением в порядок укреплений Кронштадта и Ревеля. В результате этой авантюры внешнеполитическая ситуация для России ухудшилась: в 1726 г. Голландия, а в 1727 г. Швеция и Дания официально примкнули к враждебному России Ганноверскому союзу.

Не было единства и в российской верхушке. Меншиков поначалу не возражал против планов отобрать у Дании Шлезвиг и заявлял о готовности отправиться в поход во главе 50-тысячной армии.⁶⁰ Однако уже в марте 1726 г. Кампредон отмечал начавшиеся ссоры князя и герцога. Когда же эта авантюра серьезно повредила престижу России, Меншиков выступил против дальнейшей поддержки голштинцев.⁶¹

«Голштинский кризис» способствовал усилению Меншикова, который тут же попытался летом 1726 г. стать коронованной особой, хотя бы и в маленьком Курляндском герцогстве, вассальном владении Польско-Литовского государства. Летом 1726 г. Меншиков прибыл в Курляндию и потребовал отменить решение о выборе герцогом неугодного Петербургу кандидата Морица Саксонского (внебрачного сына польского короля) и

утвердить его кандидатуру как самую подходящую. После отказа представителей ландтага созывать депутатов разгневанный Меншиков запросил у императрицы разрешение «ввести в Курляндию полков три или четыре» для успешного завершения дела. Новый международный конфликт никак не входил в намерения русского правительства, и князю был послан указ немедленно возвращаться в Петербург.⁶²

Видимо, в это время противники князя решили нанести ему удар. По данным австрийского посла графа Амедея Рабутина, против Меншикова объединились почти все члены императорского дома: герцог, дочери Екатерины и племянницы Петра I — герцогиня Курляндская Анна и ее сестра герцогиня Мекленбургская Екатерина. Сменивший Кампредона секретарь французского посольства Жан-Батист Маньян докладывал, что сразу после отъезда князя «верховники» добились у царицы отмены его исключительных полномочий, в том числе права производства в офицеры.⁶³

По возвращении князя в столицу именной указ императрицы от 28 июля 1726 г. повелевал у Меншикова и помогавшего ему В.Л.Долгорукова «взять на письме репорты на указы наши и освидетельствовать, что будучи в Курляндии все ли так они чинили, как те наши указы повелевали».⁶⁴ Явно против Меншикова был направлен и указ от 4 августа 1726 г., устанавливавший правомочность принимаемых Советом решений лишь при условии подписания всеми его членами.⁶⁵

Долго служивший в России полковник Христиан Герман фон Манштейн утверждал, что отдан был даже приказ об аресте Меншикова, и только заступничество герцога и Бассевича спасло карьеру князя от крушения. Эта версия отражена в литературе,⁶⁶ но никаких документальных подтверждений ее до сих пор не найдено.

«Повседневные записки» Меншикова сообщают, что 21 июля тотчас по приезде князь, не заходя домой, отправился прямо во дворец, где имел 4-часовую беседу с императрицей.⁶⁷ Рабутин сообщал, что он посетил и герцога. Возможно, эти экстренные визиты и спасли Меншикова; тем не менее он вынужден был подать в Верховный Тайный совет «репорт» с оправданием своих действий и почти целый месяц (до 19 августа) не показывался на его заседаниях. В итоге императрица повелела «все то дело уничтожить и не следовать», хотя и не удержалась на заседании Верховного Тайного совета от рассуждений, «сколь несостоятельно светлейшего князя желание о бытии герцогом курляндским».⁶⁸

Голштинские амбиции Екатерины I показали, что она не освоилась с ролью главы великой державы, выдвинув на первый план узкодинастические интересы; опасной оказалась и курляндская авантюра Меншикова. Придворное соперничество грозило перейти в непредсказуемые действия на международной арене.

Однако в 1725–1726 гг. подобные попытки все же оказались блокированными и не привели к серьезным провалам. Российская дипломатическая служба сумела удержаться на должной высоте, о чем свидетельствуют поиски оптимального союзника в условиях сложившихся в 1724–1725 гг. двух лагерей (Ганноверский союз Англии, Франции и Пруссии против Венского союза Австрии и Испании) в европейской политике.

Для России главной задачей будущего союза являлось получение международных гарантий владений в Прибалтике и содействие российской политике по отношению к Польше и Турции, в то время как Османская империя была главным стратегическим партнером Франции в борьбе с другой великой европейской державой — империей Габсбургов. Последняя же не только поддерживала кандидатуру Петра II, но и отказалась в марте 1725 г. принять грамоту с императорским титулом Екатерины.⁶⁹

Напряженные переговоры велись с Австрией и Францией параллельно;⁷⁰ в итоге оказалось, что французская сторона отказалась не только предоставлять помощь против Турции и «эквивалентное» возмещение голштинскому герцогу за потерянный Шлезвиг, но даже гарантировать присоединение Украины; в то же время она настаивала на российской гарантии договоров Франции с другими европейскими странами.⁷¹

В такой ситуации единственно возможным партнером в европейском «концерте» оставалась империя Габсбургов; противоречия между российскими министрами, о которых нередко сообщали дипломаты, ничего не могли изменить. Кампредон в ноябре 1725 г. докладывал: именно австрийцы «одни только могут помочь ей [России. — *И.К.*] и в самом деле выполнить то, что с другой стороны обещается». Выбор был сделан и в Петербурге: в сентябре того же года русский посол в Вене Ланчинский получил полномочия на заключение договора, а конфликт вокруг титула российской императрицы был снят принятием австрийской стороной «частного» письма от «вашего цесарского величества доброй сестры Екатерины».⁷²

Итогом стало заключение в августе 1726 г. русско-австрийского союзного договора, определявшего взаимные гарантии европейских границ, условия совместных действий против Турции и сохранение status quo государственного строя Речи Посполитой. В отечественной литературе целесообразность сделанного выбора не раз подвергалась сомнению, ведь он не смог сдержать турецкого наступления в Иране и вовлек Россию в участие в европейских конфликтах своего нового союзника.⁷³ Союз на самом деле был не безупречен, но политика, как известно, есть искусство возможного.

Дискуссия о финансах

Отказ от датского похода и завершившийся выбор стратегического союзника в Европе на время разрядили военно-политическое напряжение и позволили российской правящей элите вернуться к решению внутренних проблем, главными из которых были перенапряжение сил страны и хроническая нехватка средств.

В июне и ноябре 1726 г. министры Екатерины обсуждали, как уменьшить «тягости поселяном»; и оба раза «на мере одного своего рассуждения не утвердили».⁷⁴ Зато в июне-июле правительство предприняло первые, после долгой паузы, шаги по оздоровлению финансов. Выбор был сделан в пользу сокращения затрат на государственный аппарат и привел к ломке созданной Петром I системы управления. Штатс-контора сливалась с Камер-коллегией; количество членов всех коллегий сокращалось наполовину. Прекращалась выплата жалования в Юстиц- и Вотчинной кол-

легиях, служащие которых должны были обеспечивать себя за счет добровольных «акциденций» просителей.⁷⁵ Началось постепенное упразднение местных органов Камер-коллегии.

Взгляды сподвижников Петра на «поправление худого порядка» содержатся в составленных в 1725–1726 гг. записках, часть из которых (записка П.И.Ягужинского и коллективное мнение Меншикова, Остермана, Макарова и генерала А.Волкова) была опубликована, а остальные сохранились в архиве.⁷⁶

Уже не раз изучалась содержащаяся в этих записках критика тяжести подушной подати, произвола военной администрации, росших недоимок, неповоротливости и обременительности для казны новых государственных учреждений.⁷⁷ Однако сравнение этих документов (записки П.И.Ягужинского 1725 г. и поданных в октябре-декабре 1726 г. записок герцога Карла-Фридриха, Г.И.Головкина, П.А.Толстого, Д.М.Голицына, Ф.М.Апраксина и «коллективного» проекта Меншикова, Остермана, А.В.Макарова и А.Я.Волкова) по предложенным в них способам решения основных проблем — как «облечь» подушную подать и усовершенствовать сбор налогов и при этом покрыть финансовый дефицит — показывает, что поиск выхода привел к явным разногласиям в окружении императрицы.

Все авторы, за исключением Толстого и герцога, были единодушны в желании устранить введенную Петром военную администрацию на местах. Главной причиной при этом выступало не само участие военных в сборе податей, а явственно проявившееся «многочашие»: в провинции должен быть «один главной командир», считал генерал-адмирал Апраксин; с ним были вполне согласны Меншиков, Остерман и Голицын.

Выводом из этой констатации стало столь же единодушное предложение передать контроль над сбором налогов в руки провинциального воеводы с тем, чтобы платили подати за своих крестьян сами помещики (Головкин, Меншиков — Остерман, Апраксин), а вертикаль власти была укреплена подчинением воевод губернаторам (Меншиков — Остерман, Голицын). Но если Головкин, Голицын и Апраксин полагали необходимым вывести армейские команды из провинции, то Меншиков и Остерман по-прежнему считали их участие в сборе подати необходимым, но при подчинении командовавших ими штаб-офицеров воеводе.

Единодушным было и предложение сократить штат гражданских учреждений (Головкин, Голицын, Меншиков — Остерман) и предоставить неоплачиваемые отпуска офицерам и солдатам-дворянам из тех, кто владеет именьями (Головкин, Апраксин, Карл-Фридрих, Ягужинский, Меншиков — Остерман).

На этом согласие кончалось. Предложение Д.М.Голицына сократить расходы на армию встретило сопротивление канцлера Головкина, беспокоившегося за престиж российской мощи в Европе, и Меншикова, считавшего необходимым экономить финансы «без повреждения войска и флота».

Противоречивым было отношение к самой подушной системе. Головкин полагал возможным сокращение подати на 10 копеек, Апраксин — на 20; Ягужинский призывал сократить подушный сбор сразу на 400–500 тысяч рублей; Меншиков считал нужным ограничиться только отсроч-

кой платежа до сентября 1727 г. При этом все предложения не были основаны на каких-либо расчетах и брались «на глазок». Только более опытный в финансовых вопросах Д.М. Голицын предложил сравнить эффективность подушной системы с прежней подворной и тогда уже решать вопрос в целом. Герцог Карл-Фридрих полагал необходимым взимать подать только с мужчин от 10 до 60 лет, а Остерман в отдельно поданной записке вслед за Минихом предложил новый — подходящий — принцип налогообложения.

Еще большие расхождения вызвал поиск источников доходов. Карл-Фридрих, Голицын и Меншиков предлагали «с прямым радением» собирать недоимки. Голицын считал нужным «сочинить» специальное учреждение — Доимочную контору и сократить «ненужного строения»; Апраксин видел выход в практиковавшихся при Петре вычетах из жалования; Ягужинский требовал восстановления Ревизион-коллегии.

В этом вопросе окружение Екатерины в споре уже явно переходило на личности: Головкин и Толстой прямо указывали на необходимость проведения ревизии во всех учреждениях, прежде всего — «сыскать остатки в Военной коллегии и Адмиралтействе», т.е. в ведомствах Меншикова и Апраксина.

Нетрудно убедиться, что этот раздел представленных записок является самым бедным по наличию сколько-нибудь продуктивных идей улучшения финансового положения страны и к тому же проявляет явные противоречия в рядах их авторов. Но все же само появление перечисленных выше мнений показывает, что в правящих кругах России после смерти Петра стали возможными хоть сколько-нибудь гласное обсуждение назревших проблем и попытки их решения путем компромисса различных течений и групп в «верхах». Однако при этом едва ли можно разделить участников этой дискуссии на сторонников и противников реформ⁷⁸ — все авторы записок предлагали «поправление», но отнюдь не принципиальную ломку петровских порядков.

Упорядочение финансового хозяйства было необходимо. По данным П.Н.Милокова, недоимка за 1724 г. составила 30 %; при этом, по расчетам М.М.Богословского, недобор основного прямого налога — подушной подати — достигал 33 %, а косвенных налогов — 26 %.⁷⁹ Поступление подушных денег в следующем 1725 г. было, вероятно, более успешным: к концу 1726 г. было собрано 91,4 % от «плана» в 3780 тысяч рублей, недобор подушной подати (по современным подсчетам) оценивается в 374168 рублей и по отношению к плановой сумме сбора составит 9,8 %. Видимо, этот показатель можно считать «нормальным» результатом при сборе подушных денег, поскольку сопоставимые данные за 50-е гг. XVIII века показывают размер недоимок в рамках 7–14 % в год.⁸⁰

Однако итоговая ведомость Военной коллегии определяет общий недобор подушной суммы за 1725 г. в 327700 рублей, или уже в 13 %: это разница между требовавшимися на нужды самой коллегии 2509419 рублями и реально полученными 2181719 рублями. В то же время коллегия определяет как собственно «недоимку» только 74517 рублей,⁸¹ что не соответствует приведенным выше данным, но зато близко к указанной в сочинении обер-секретаря Сената И.К.Кирилова «Цветущее состояние

Всероссийского государства» сумме в 94297 рублей.⁸² По подведенным же в 1729 г. итогам работы комиссии о подати окончательная сумма недоимок за 1725 г. составила 150780 рублей.⁸³

Подобный разноречивый в официальных документах можно объяснить изменением суммы недоимок по мере поступления «доимки» в последующие годы, пока не оставались уже безнадежно «пропавшие» деньги. Если это так, то подобное обстоятельство необходимо учитывать при использовании финансовых документов эпохи, — тем более что и в них самих, и в основанных на них данных научной литературы можно обнаружить немалые расхождения в оценках.

Речь идет не просто о статистических тонкостях. Выяснение размеров налоговых ставок и недоимок напрямую связано с проблемой тяжести петровского налогообложения и платежной способности населения, что отразилось в полемике по поводу монографии Е.В.Анисимова. Ее автор попытался отчасти пересмотреть принятую в литературе со времен П.Н.Миллюкова оценку этой реформы как крайне тяжелой для населения. По расчетам Анисимова, подать была относительно умеренной: увеличение тяжести налогообложения на душу составило 16 %, а точнее — с учетом 40-копеечного сбора для государственных крестьян — 28 % по сравнению с предшествовавшей подворной системой. Для нашей работы важным представляется вытекающий из этой оценки вывод о том, что критика петровской налоговой политики в широко известных записках его сподвижников и «министров» Екатерины I «намеренно сгущала краски» с целью укрепления ими «своего не очень прочного положения у власти».⁸⁴

Однако это утверждение встретило критику со стороны рецензентов, оценивавших все падавшие на население тяготы петровской системы. С учетом всех дополнительных затрат (на рекрутов, постройку полковых дворов и т.д.), по расчетам Н.Н.Покровского, налоги на каждую мужскую душу выросли на 64,3 %, а по мнению А.И.Юхта — даже на 75 %.⁸⁵ С.М.Троицкий привел в своих работах данные о вызванных сбором подушных денег возмущениях и многочисленных жалобах помещиков на тяжесть новой системы.⁸⁶ Справедливым представляется и утверждение о невозможности для населения выплачивать подушную подать в полном размере, о чем свидетельствуют как частичные сокращения ее «оклада» на треть в 1727, 1728 и 1730 гг., так и списание недоимок в 1741 и 1752 гг.

С учетом этих замечаний и стоит рассматривать развернувшуюся в 1725–1726 гг. в правящих кругах России дискуссии о мерах по улучшению финансового положения страны, речь о которой пойдет ниже. Ведь, как бы ни оценивать собственно недоимку, ситуация с поступлением и учетом денег была безусловно тяжелой и донельзя запутанной, а неплатежи постоянно нарастали. Летом 1725 г. вице-президент Штатс-конторы Карл Принценстерн докладывал: с 1719 г. армия, коллегии, Кабинет и другие учреждения не получили 2533837 рублей и 30 с половиной копеек из положенных им по штатам средств; несмотря на все усилия правительства, к июлю задолженность исчислялась в 2353030 рублей, что составляло более четверти всего бюджета.⁸⁷

Хронический финансовый дефицит вызвал обсуждение этой проблемы с начала нового царствования. Уже в октябре 1725 г. Сенат в докладе

императрице предложил снизить подушную подать в следующем году до 60 копеек с возможным затем изменением принципа налогообложения: «не з душ, а по тяглам», т.е. по реальным возможностям крестьянских хозяйств. Кроме того, сенаторы считали нужным отменить рекрутский набор и убавить комплект в полках: по 10 драгун и по 24 солдата на роту. Но против «штатских» немедленно выступили военные. Руководство Военной коллегии соглашалось только на некоторое уменьшение расходов на мундиры, амуницию и жалование и предлагало взимать треть подушной подати провиантом и фуражом, ввести отпуска для солдат и офицеров и брать с купцов за рекрута по 100 рублей. С особым мнением выступил генерал-лейтенант Б.Х.Миних, фактически согласившийся с Сенатом: он предложил ввести подоходный налог, уменьшить гарнизоны и не проводить наборов два года.⁸⁸

В январе 1726 г. генералитет (в лице генерал-лейтенанта Ласси, генерал-майоров Долгорукова, Салтыкова, Дмитриева-Мамонова, Волкова, Воейкова, Шувалова и пяти бригадиров) обратился к императрице с еще более жесткими условиями. Теперь речь уже не шла о сокращении расходов — армейская верхушка не считала возможным уменьшать подушную подать и убавлять численность гарнизонных или полевых полков. Вместо этого генералы требовали освидетельствовать, от чего произошли недоимки, и внушить «страх зборщикам и плательщикам», пополнить армию доимочными рекрутами и брать на нужды военных «из тех сборов, которые на статские расходы употребляют... понеже содержание армии нужные многих статских расходов».⁸⁹ В этом споре — как еще не раз происходило в нашей истории — победили военно-дипломатические «конъектуры» и имперские цели внешней политики.

Но возвращаться к решению проблемы пришлось. Итогом состоявшегося обсуждения стал указ Екатерины Верховному Тайному совету от 9 января 1727 г. Однако, наряду с высказанными в записках мерами (ликвидация военной администрации, передача подушных сборов воеводам, учреждение Доимочной канцелярии, сокращение штатов), указ содержал и новые решения, которые должны были сгладить возникшие противоречия: предусматривал создание по спорным вопросам двух комиссий, призванных изучить вопрос о размерах налогообложения и о расходах на армию, а также завершение работы над новым сводом законов. В тактическом плане министрам подсказывались новые источники финансирования: поземельные пошлины с пожалованных и продаваемых деревень и с дипломов и патентов на титулы и чины. Указ признавал, что некоторые полки не получали жалования с 1723 г., и требовал восстановления Ревизион-коллегии, обязанной наладить строгий учет движения денежных сумм.⁹⁰

«Известно нам учинилось, что нашей империи крестьяне, на которых содержание войска положено, в великой скудости находятца и от великих податей и непрестанных экзекуций и других не порядков в крайнее и всеконечное разорение приходят», — гласил именной указ 9 февраля 1727 г., открывавший после некоторого перерыва серию правительственных актов, направленных на ревизию петровской системы.⁹¹

Проводились прежде всего наиболее бесспорные меры. Военным надлежало срочно завершить все дела по переписи и отправляться к своим

частям. Полки выводились с недостроенных полковых дворов в города, а 2/3 офицеров и солдат из дворян могли отправиться в отпуск в свои имения, «когда конъюнктуры допустят». Сбор подушной подати переходил к провинциальным воеводам, которые имели дело непосредственно с помещиками и вотчинной администрацией.⁹²

С целью пополнения казны и улучшения финансовой отчетности были утверждены новые пошлины, созданы Доимочная канцелярия и обе предусмотренные указом 9 января комиссии. Началось сокращение штатов — прежде всего местных учреждений и должностей в системе Юстиц- и Камер-коллегий. В январе 1727 г. Верховный Тайный совет потребовал от всех учреждений представлять еженедельные ведомости о приходе и расходе; отныне это требование станет регулярно повторяться в каждое новое царствование и так же неизбежно тонуть в канцелярской рутине.

По инициативе Меншикова правительство решило выпустить на 2 миллиона легковесных медных пятаков и низкопробные серебряные гривенники. Авторы предложения понимали, что оно неизбежно вело к обесценению денег и вздорожанию товаров, но видели явное преимущество в том, что «денег будет в казне и в народе довольно».⁹³ Синод еще в июле 1726 г. разделили на два департамента, второй из которых состоял из светских чиновников и занимался судебными делами и управлением церковными вотчинами; все доходы с них должны были поступать в «коллегию синодальной экономии» и не расходоваться без определения Камер-коллегии.⁹⁴

Перечисленные решения явно были плодами достигнутого в окружении Екатерины I компромисса. К вопросу о его результатах мы еще вернемся. Пока же необходимо отметить, что обозначенный курс наиболее активно проводился в жизнь всего несколько месяцев. Короткое царствование императрицы подходило к концу; на первый план неизбежно выходила проблема престолонаследия — и для окружения Екатерины, и для дипломатов европейских держав.

Завещание императрицы

Императрица явно отдавала предпочтение своим дочерям и заявляла, что «зять ей ближе, чем великий князь». Австрийский двор по-прежнему считал законными права Петра, что не могло не раздражать Екатерину и вызывало с ее стороны резкие заявления. Датский посол Вестфален все-речь беспокоился за безопасность царевича и даже сообщал о намерении объявить наследником Карла-Фридриха.⁹⁵

Во мнении же значительной части дворян именно маленький Петр являлся законным и единственным наследником. Для «подлых» же поданных проблемы выбора как будто и не было. В Суздальской провинции «незнаемый человек» объявлял местным крестьянам осенью 1726 г. о будущей присяге и «посажении на царство великого князя Петра Алексеевича». Не успели власти срочно отправить туда для расследования капитана гвардии, как прапорщик Давыд Карпов в ноябре 1726 г., приехав из столицы в Старую Руссу, объявлял: «Ныне будет коронация. Станут великого князя короновать на царство». Взятый под арест прапорщик рас-

сказал, что это известие он слышал повсюду «в народной молве», и следствие это подтвердило: о грядущей коронации и присяге толковали люди самых разных состояний — дворовые, монахи, крестьяне и солдаты.⁹⁶

Своеобразной публицистикой того времени служили анонимные подметные письма, в которых Меншиков сравнивался с Борисом Годуновым, а маленький Петр — с царевичем Дмитрием. В подобном сочинении, объявившемся в столице в 1725 г., Меншиков обвинялся в том, что «с голштинцами и с своею партией истинного наследника внука Петра Великого престола уж лишили и воставляют на царство Российское князя голштинского. О горе, Россия! Смотри на поступки их, что мы давно проданы».⁹⁷ Другой такой листок в 1726 г. настолько взволновал Екатерину, что она несколько дней чувствовала себя плохо. За «объявление» безымянного автора этого сочинения было обещано целое состояние — 2 тысячи рублей и повышение в чине.⁹⁸

Екатерина приказала было Феофану Прокоповичу сочинить церковное проклятие на «письмоподметчиков», отвергавших петровский устав о престолонаследии. Услужливый иерарх анафему написал, но сама же императрица отменила ее оглашение.⁹⁹ воля монарха находилась в явном противоречии с представлениями подданных.

Сыграли свою роль и международные «конъектуры» в связи с заключением русско-австрийского союза. С конца 1725 г. великий князь — племянник австрийского императора — начинает участвовать в придворных празднествах, и тогда же появляются проекты примирения интересов двух ветвей царского дома. Назначенный воспитателем царевича Остерман предложил женить Петра на Елизавете; но брак 11-летнего племянника и 17-летней тетки, несмотря на примеры библейских персонажей, был признан недопустимым.

Однако тянуть с решением было невозможно: к нему подталкивали и союзные обязательства, и болезнь императрицы. В начале 1727 г. проблемы российского престолонаследия стали актуальными для большой политики — и для европейской прессы. Гамбургские и кенигсбергские газеты писали о несогласии российских министров «в назначении наследника», о скором объявлении им маленького Петра и о якобы решенном его браке с Елизаветой.¹⁰⁰

В Петербурге в конце 1726 г. уже был подготовлен вариант завещания Екатерины I: наследником становился маленький Петр, которому предстояло вступить в брак с невестой «из рода любекского епископа» — брата голштинского герцога. С представительницей этого же рода должен был обвенчаться и сын Меншикова; сам герцог должен был получить в обмен на Шлезвиг княжества Ольденбург и Дельменгорст и управление Лифляндией и Эстляндией вместе с соответствующими доходами. Очевидно, что этот вариант был подготовлен голштинскими министрами, стремившимися удовлетворить герцога и одновременно нейтрализовать Меншикова.¹⁰¹

Но светлейший князь, по всей вероятности, уже с конца 1726 г. задумал брак Петра с одной из своих дочерей, в результате чего сам он смог бы породниться с царствующей династией и стать регентом при несовершеннолетнем государе. Этому замыслу способствовали усилия датских и

австрийских дипломатов, считавших кандидатуру Петра наиболее благоприятной для своих интересов.

Датский посол барон Вестфален в памятной записке своему королю утверждал, что именно ему принадлежала инициатива этого плана, и раскрыл механизм интриги. К ней были подключены австрийский посол граф Амедей Рабутин, «покровитель» датчанина князь Д.М.Голицын и его брат-фельдмаршал; последнему предлагался брак его дочери с сыном светлейшего.¹⁰² Датский и австрийский дворы оказали Меншикову не только политическую, но и материальную поддержку в виде крупных земельных владений (герцогства Коссель в Силезии), обещанных самому светлейшему князю.¹⁰³ Был ли именно Вестфален главным действующим лицом в этой драме, сказать трудно. Но вмешательство иностранной дипломатии в российскую политику оказалось вполне успешным, поскольку совпадало с интересами самого Меншикова.

Однако добиться желаемого Меншикову удалось не сразу. В феврале Екатерина еще не допускала такой возможности и заявляла, что престол принадлежит ее дочерям; но затем ситуация изменилась. Согласно депеше Маньяна от 14 марта 1727 г., обе цесаревны и герцог упрашивали Екатерину не допустить такого поворота событий; «к ним присоединился и Толстой, с которым царица не советовалась раньше». Императрица как будто колебалась, но после новых усилий со стороны Меншикова он получил «решительное подтверждение данного прежде согласия».¹⁰⁴

«Повседневные записки» Меншикова говорят, что уже с начала января 1727 г. маленький Петр стал периодически посещать дворец светлейшего князя. 14 февраля к Меншикову приехал лейб-медик Блюментрост и фаворит императрицы П.Сапега. После этого визита у Меншикова начались интенсивные консультации с прибывавшими к нему для тайных бесед Остерманом (17, 18, 21, 25, 27 февраля; 2, 4, 5, 6, 7, 11, 13, 15 марта), Макаровым (17, 24 февраля; 4, 10, 13 марта), камергером К.Левенвольде (19, 21 февраля; 2, 4, 7 марта), фаворитом Сапегой (19, 28 февраля; 4, 9, 15 марта), герцогом Голштинским и его братом (23 февраля). В завершение этой серии встреч сам Меншиков трижды встретился с Рабутином (11, 19 и 25 марта) и нанес визит герцогу (16 марта).¹⁰⁵ Можно предположить, что в течение этого месяца непрерывных переговоров князя и лиц из ближайшего окружения Екатерины и были выработаны условия, на которых маленький Петр получал престол, а Меншиков сохранял власть.

Неизвестно, была ли сама императрица в курсе этих переговоров; но в итоге прежняя помолвка Петра Сапеги с Машенькой Меншиковой была расторгнута. Первого апреля Маньян сообщал, что положение Петра в качестве наследника почти не вызывает сомнений; 5 апреля дипломаты ожидали официального извещения о браке и престолонаследии, но оно так и не последовало.¹⁰⁶ Меншиков встретил сопротивление со стороны вчерашних соратников: своего зятя генерал-полицеймейстера А.М.Девьера, П.А.Толстого, генерала И.И.Бутурина.

В беседах между собой противники князя высказывались в том смысле, чтобы императрица «короновать изволила при себе цесаревну Елисавет Петровну или Анну Петровну, или обеих вместе. И когда так зделает-

ца, то ее величеству благонадежнее будет, что дети ее родные». Самого же Петра Толстой хотел «за море послать погулять и для облегчения посмотреть другие государства, как и протчие европейские принцы посылаютца, чтоб между тем могли утвердитца здесь каранация их высочеств». Более решительный Девьер пытался даже повлиять на самого наследника и уговаривал мальчика: «Поедем со мной в коляске, будет тебе лучше и воля, и матери твоей не быть уже живой».¹⁰⁷

Возможно, генерал предполагал в нужный момент увезти наследника и провозгласить его императором. Если так, то интересы противников Меншикова не совпадали. Рабутин сообщал, что вельможи думали, как «вести перемену, смягчающую форму правления»; но следственное дело Девьера и Толстого не подтверждает это свидетельство. Намерение же короновать одновременно двух принцесс (одна из которых была замужем за иноземным государем) и отправить за границу признанного наследника было способно только осложнить положение династии и спровоцировать новый тур борьбы за власть.

За «делом» П.А.Толстого и А.Девьера можно заметить и нарождавшиеся группировки, так сказать, второго ряда. К их числу можно отнести «факцию», образовавшуюся вокруг княгини А.П.Волконской, куда входили ее братья молодые дипломаты А.П. и М.П.Бестужевы-Рюмины, «арап» А.П.Ганнибал, камергер С.Маврин, кабинет-секретарь И.А.Черкасов и член Военной коллегии Е.И.Пашков.¹⁰⁸ Бестужев-Рюмин вел интригу, опираясь на австрийскую помощь, и стремился окружить мальчика и его сестру Наталью преданными людьми.¹⁰⁹

Но до настоящего заговора дело так и не дошло; его главные участники не были связаны с гвардией и не располагали никакими «силовыми» возможностями: в собственной команде обер-полицеймейстера была едва сотня солдат. Герцог же оказался ненадежным союзником: он пытался выторговать у Меншикова право на управление и доходы с завоеванных прибалтийских территорий и в итоге удовольствовался крупной денежной суммой, предназначенной его жене.

Не дал заговору «созреть» и Меншиков. Пока его противники обменивались «злыми умыслами и разговорами», а Толстой выбирал время для аудиенции у императрицы, князь действовал. С 10 апреля он переехал из своего дворца в апартаменты Зимнего дворца, чтобы прочнее держать ситуацию под контролем, т.к. у Екатерины началась горячка — воспаление или «некое повреждение в лехком», по позднему заключению врачей.

Французский резидент Маньян сообщал в донесении от 6 мая (25 апреля старого стиля) о состоявшемся совещании «министров». О соглашении Меншикова с герцогом и «императорским семейством» сообщали и Рабутин, и Мардефельд (18 апреля), и Лефорт (22 апреля); они же отмечали, что в этом совещании с «верховниками» участвовали синодские архиереи, сенаторы, гвардейские полковники и президенты коллегий. На этом заседании, состоявшемся «в прошлое воскресенье» (т.е. 15 апреля¹¹⁰), по мнению дипломатов, и был найден компромисс: императором становился внук Петра Великого, но до 16 или 17 лет он должен был находиться под опекой Верховного Тайного совета, куда с правом двух голосов входила цесаревна

Елизавета; обе принцессы получали по миллиону рублей при выходе замуж. Из дипломатических депеш утверждение о «собрании высших государственных чинов» проникло в научные работы.¹¹¹

Но сведения иностранцев об условиях соглашения содержат противоречия, которые уже отмечались в литературе.¹¹² «Повседневные записки» Меншикова ничего не сообщают о таком заседании. Зато они зафиксировали отдельные встречи Меншикова с Рабутиным (12 апреля), Ф.М.Апраксиным (13 апреля), Макаровым (15 апреля).

16 апреля князь дважды посетил больную императрицу и от ее имени объявил амнистию арестантам Военной и прочих коллегий. Но «при столе его светлости» из членов Верховного Тайного совета присутствовал только Д.М. Голицын — вместе с А.В.Макаровым и майорами гвардии И.И.Дмитриевым-Мамоновым, Г.Д.Юсуповым, С.А.Салтыковым, А.И.Ушаковым и людьми из окружения Меншикова — А.Я.Волковым из Военной коллегии и кавалергардом А.И.Шаховским. Заседания же Совета в этот день не было.

На следующий день князь принял Г.И.Головкина и Д.М.Голицына, а затем дважды за день посетил на дому Остермана (по обыкновению больного в кризисной ситуации) и Екатерину. 18 апреля состоялась «аудиенция» с Д.М.Голицыным и Бассевичем. В эти же дни (17–18 апреля) состоялись и заседания Верховного Тайного совета без участия Меншикова, на которых, согласно имеющимся протоколам, «слушались» и обсуждались «иностранные дела», назначения на должности, финансовые вопросы — но не условия престолонаследия.¹¹³

Если верить журналу Меншикова и протоколам Совета, получается, что в 1727 г. судьба престола решалась уже не каким-либо «совещанием» высших чинов империи (пусть нелегитимным, но хотя бы представительным и формально единодушным, как это было в 1725 г.), а серией частных соглашений заинтересованных лиц и групп.

В этих условиях Толстой и его друзья оказались в изоляции; Меншиков 24 апреля добился от умиравшей императрицы указа об аресте Девьера, осуществленном в тот же день. 26 апреля Меншиков перевез наследника и его сестру Наталью к себе во дворец и не отпустил их несколько суток, развлекая «гуляниями» и медвежьей травлей.¹¹⁴

27 апреля была назначена следственная комиссия во главе с Г.И.Головкиным; там заседали те, кому князь доверял: Д.М.Голицын, генералы И.И.Дмитриев-Мамонов, Г.Д.Юсупов, а рядом с ними «креатуры» Меншикова — генерал-майор А.Я.Волков и обер-комендант столицы Ю.Фаминцын. Указы царицы следователи получали вместе с сопроводительными письмами Меншикова, требовавшими скорейшего допроса обвиняемых.¹¹⁵ «На виске» после 25 ударов кнутом Девьер назвал своих собеседников: генерал-майора Г.Г.Скорнякова-Писарева, молодого И.А.Долгорукова, церемониймейстера Ф.Санги, генерала А.И.Ушакова; они тут же были привлечены к делу. Следователи отправились с допросом к Бутурлину и Толстому, признавшемуся в разговоре о намерении короновать дочерей Екатерины.¹¹⁶

Следствие по обвинению в подстрекательстве к «великому возмущению» было проведено в рекордный срок. При этом не были выяснены

противоречия в показаниях арестованных, не привлекались свидетели. Пятого мая (в предпоследний день жизни Екатерины) Меншиков четыре раза посещал умиравшую и добился-таки от нее именного указа следственной комиссии представить назавтра утром краткий доклад по делу, а остальное «за краткостью времени оставить».¹¹⁷ Доклад и приговор по делу были готовы лишь к вечеру 6 мая, в последние часы жизни Екатерины. В этот день Меншиков не отходил от императрицы. Где-то рядом с ее спальней в такой же спешке им вместе с герцогом и Бассевичем готовилось завещание; к его истории мы обратимся ниже.

Меншикову удалось получить нужные ему документы «за подписью собственноручно ее императорского величества руки».¹¹⁸ Могла ли Екатерина за считанные часы до смерти читать оба документа, утверждать завещание и смягчать приговоры осужденных? Едва ли. Но все это уже не имело значения. Умиравшая — как и ее муж в 1725 г. — была изолирована от всяких нежелательных влияний. В тот же день первая из преемниц Петра I «с великим покоем преставилась» в 9-м часу пополудни; но приговор вступил в законную силу: Толстой был отправлен в заключение на Соловки, Девьер и Скорняков-Писарев — в Сибирь, Бутурлин — в деревню. Замешанные в дело А.И.Ушаков и Иван Долгоруков были переведены из столицы в полевые полки. Манифест о раскрытии якобы имевшего место заговора был издан лишь 27 мая, и уже от имени Петра II преступники обвинялись на злодейском умысле против его воцарения и «сватовства нашего на принцессе Меншиковой».¹¹⁹

Уже днем 6 мая гвардейские штаб- и обер-офицеры были вызваны во дворец, а солдатам было велено не отлучаться из квартир и ожидать вестовых. К вечеру оба полка стояли вокруг дворца «на лугу» и тут же ночевали.¹²⁰ Заранее было приказано «в Камор коллегии принять вино и роздать в роты, а в ротах вино не вдрук раздавать: завтрашнего числа по чарке, а оставшее в понедельник роздать» во избежание излишних эмоций со стороны гвардейцев.¹²¹

Утром 7 мая в присутствии высших чинов империи Меншиков объявил о завещании Екатерины; секретарь Верховного Тайного совета Василий Степанов огласил «тестament», согласно которому престол переходил к Петру II. Но до совершеннолетия император «за юностью не имеет в правительстве вступать»; для этой цели назначались официальные опекуны в лице Анны, Елизаветы, герцога Голштинского и членов Верховного Тайного совета.¹²²

Завещание не только вводило регентский совет при императоре, но и отменяло петровский закон о престолонаследии: в случае смерти Петра II корона переходила к его сестре и дочерям Петра I Анне и Елизавете «с их потомствами». Оглашение «тестамента» завершилось присягой новому императору присутствовавших военных и гражданских чинов, а также полков гвардии, прокричавших «виват» вышедшему к ним Петру. На следующий день гвардии выдали деньги за январскую треть 1727 г.; еще через несколько дней оба гвардейских и Ингерманландский полки, а также кавалергардская рота получили месячное жалование, «не зачитая впредь в обыкновенную их дачу».¹²³

Воцарение Петра формально не было переворотом: Меншиков успел вырвать правовую санкцию на этот акт. Однако молодой Сапега открыто выражал сомнения в подлинности завещания императрицы; Лефорт в своем донесении о событиях этого дня писал о различных настроениях высших чинов государства, среди которых было много противников Меншикова.¹²⁴ Тут же стали расходиться и слухи о том, что императрица от Меншикова «несчастливое или отравленное питье получила»; этот «глас народный» отразился в документах архива самого князя в воспоминаниях капитана Вильбуа.¹²⁵

Не вполне ясно обстоит дело и с самим завещанием, которое представляло собой попытку установить новый закон о престолонаследии: «Ежели великий князь без наследников преставитца, то имеет по нем цесаревна Анна с своими десцендентами, по ней цесаревна Елизавета и ее десценденты, а потом великая княжна и ее десценденты наследовать, однако ж мужеска пола наследники пред женским предпочтены быть имеют».

Его текст сохранился в бумагах бывшего Государственного архива Российской империи и был опубликован в ПСЗ.¹²⁶ Там же хранится и протокол: «1727 мая 7 дня ее императорского величества... тестамент в Верховном Тайном совете при присутствии его императорского величества и как духовных, так и свецких слушали и во всем потому исполнять должны и повинны»; вслед за тем идут подлинные подписи самого императора, его родной сестры Натальи, герцога Карла-Фридриха, принцесс Анны и Елизаветы, членов Верховного Тайного совета, 5 духовных и 33 светских лиц.¹²⁷

В том же деле хранятся две копии, снятые секретарем Совета В.П. Степановым и канцлером Г.И. Головкиным; последний же сделал и запись о передаче им «завещательного письма» 10 августа 1730 г. Анне Иоанновне в Измайлове. Здесь же хранятся и конверты: на одном (с подписью Степанова и тремя печатями) сохранилась запись генерал-прокурора Н.Ю. Трубецкого: «Взят из иностранной коллегии 27 ноября 1741 году»; на другом, конца XVIII века, указано «подлинник».¹²⁸ Таким образом, можно предположить, что указанный текст и является подлинником, который хранился в Коллегии иностранных дел, отправлялся к императрице Анне в Измайлово, а затем вновь потребовался при воцарении Елизаветы. Таким его и считал Д.Н. Блудов, рассматривавший дела императорского Кабинета Павла I и Александра I.¹²⁹

Однако текст завещания (из 16 параграфов) содержит пропуски: отсутствует § 12; в § 3 оставлено пустое место для цифр, до каких лет император должен считаться несовершеннолетним. Кроме того, текст исправлялся. Так, например, в § 5 начальные слова «и сим имеют» вписаны над строкой; в § 9 в строке «которые нам, а не короне принадлежат, у себя [и у своих] удержать» и в § 14 в строке «яко изменник на[ка]зан [быть] имеет» отмеченные в скобках фрагменты также вписаны позднее над строкой; в § 9 во фразе «каждая из цесаревен, понеже от коронного наследства своего родного отца выключены» слово «выключены» первоначально стояло перед словом «своего», но было зачеркнуто.

Невразумительно составлен § 11: «Принцессу Елизавету имеет его любовь герцог Шлезвиг Голштинский и бискуп Любецкой в супружество по-

лучить, и даем ей наше матернее благословение; тако же имеют наши цесаревны и правительство администрации старатца между его любовью и одною княжною князя Меншикова супружество сочинить». Получается, что двоюродный брат Карла-Фридриха должен был одновременно жениться и на Елизавете, и на дочери Меншикова с помощью той же Елизаветы. Но в то же время этот текст подписан «Екатерина», и эта подпись явно сделана рукой Елизаветы, что подтверждается сравнением этой подписи с подписями цесаревны, сделанными в приложенном к завещанию протоколе и на других указах; вслед за «тестаментам» следует лист с подлинными подписями присутствовавших при чтении документа персон.

Но тогда как объяснить содержащиеся в нем пропуски и ошибки? С.М. Соловьев считал вероятной версию о наличии «исправленного русского текста» завещания, который затем был «истреблен» Анной Иоанновной; так же думает и Е.В. Анисимов.¹³⁰ Предположение выглядит логичным, поскольку документ, несомненно, побывал в руках Анны Иоанновны, а по завещанию все племянницы Петра, в том числе сама Анна, оказались устраненными от престолонаследия.

После переворота 1741 г. императрица Елизавета пыталась выяснить судьбу «тестамента» матери у подследственных министров прежнего царствования. На допросе Остерман показал, что подлинная «духовная» Екатерины находилась в Верховном Тайном совете, и предположил, «не ухажена ль она от князя Меншикова?» Затем, когда ему была предъявлена записка канцлера Головкина о «внесении» завещания к Анне Иоанновне, он подтвердил этот факт, но заявил, что совершенно не помнит, кто и когда это сделал и что случилось с документом потом.¹³¹

Забывчивость министра вполне можно объяснить его личным участием в этом деле. Однако тогда получается, что Елизавета не смогла обнаружить подлинник в 1741 г. (что вроде бы опровергается записью генерал-прокурора Н.Ю. Трубецкого) или не считала таковым дошедший до нас текст, который был ею же подписан и «взят из Иностранной коллегии» 27 ноября 1741 г.

В литературе можно встретить заявления о том, что будущий канцлер А.П. Бестужев-Рюмин сумел выкрасть подлинник завещания, вместе с дочерью Петра I Анной каким-то образом оказавшийся в Голштинии.¹³² Но это не так. Протоколы Верховного Тайного совета содержат прямое указание на то, что 19 мая 1727 г. «тестаментам» с подписями «канцлер граф Головкин запечатал своею печатью и положил на сохранение в ящик, в котором в коллегии иностранной хранятца государственные печати».¹³³ После смерти герцогини Голштинской генерал-майор И.И. Бибииков действительно доставил в Петербург из Киля один важный документ — но это была «копия тестаменты ее высочества», т.е. завещания Анны Петровны, а не Екатерины.¹³⁴

Однако упоминание Бестужева-Рюмина оказалось не случайным. Как удалось нам установить на основании документов Архива внешней политики Российской империи, молодой резидент в Гамбурге в 1733 г. получил на сохранение от арестованного голштинского министра барона Штамбке «сундучок и маленькую шкатулку» с секретными документами,

которые голштинские власти потребовали вернуть и даже пытались у него выкрасть. Бестужев сразу запросил начальство: «Не распечатать ли оной сундучок и шкатулку для осмотра в оных писем — не обряжется ли что в пользу вашего императорского величества интересу?» Ведь барон был одним из главных советников герцога и находился с ним в Петербурге в 1725 г. Но во вскрытом сундучке резидент обнаружил лишь письма самого герцога, его расписки и «старые прожекты и инструкции по разным корреспонденциям», которые положил обратно, подделав печати.¹³⁵

Таким образом, можно считать, что завещание Екатерины не покидало пределов России. Возможности уничтожения подлинника также исключить нельзя. Но что в таком случае можно считать подлинником? В 1728 г., отвечая на официальный запрос русского правительства, Бассевич признал, что именно он «в самой скорости помянутое завещание сочинил». Трудился он не безвозмездно: Меншиков купил согласие герцога на воцарение Петра II целым рядом обязательств России в деле «шлезвицкого возвращения», обещанием выдать Елизавету замуж за родственника герцога, князя-епископа любекского Карла-Августа, прощением герцогу всех полученных от русского двора сумм и признанием его прав на шведскую корону: 6 из 16 параграфов завещания касаются интересов герцога.

Далее Бассевич рассказал, что герцог выпросил у Меншикова отступного в миллион рублей, из которых 100 тысяч надо было отдать самому Меншикову. Стороны поторговались, и в результате сумма комиссионных князю уменьшилась до 80 тысяч; остальное получил за труды сам Бассевич.¹³⁶

Вестфален в своей записке королю (созданной в 1730—1733 гг.) утверждал, что при жизни Екатерины был составлен Бассевичем и Штамбке только немецкий текст завещания. Но Екатерина скончалась прежде, чем его успели перевести; и Елизавета подписывала текст уже после смерти матери, но «с великой радостью в сердце после того, как прочла статью, разрешавшую ей выйти замуж за князя-епископа Любека». Это и дало Вестфалену основание назвать этот документ «величайшим подлогом».¹³⁷ Однако он не сообщал, что именно подписала Елизавета. По данным шведского посла Цедеркрейца, завещание не успели перевести на русский язык и был составлен некий «экстракт» (или «извлечение»), подписанный Елизаветой.¹³⁸

В таком случае дошедший до нас как «подлинник» русский текст является именно этим торопливо составленным «экстрактом». Очевидно, так считала и сама Елизавета, если при восшествии на престол все-таки пыталась найти подлинное (т.е. «немецкое») завещание матери, а не тот небрежный текст, который когда-то она же и подписала под давлением Меншикова.

Вопрос также и в том, насколько «тестамент» (в немецком или русском вариантах) вообще соответствовал последней воле умиравшей императрицы. В последний момент она как будто пыталась воспротивиться воле Меншикова. Маньяну было известно, что «за несколько дней до смерти царица самым положительным образом объявила Меншикову, что желает, чтобы ей наследовала на престоле цесаревна Елизавета».¹³⁹ Сам князь уже после всех описываемых событий с присущей ему прямоотой

сообщал датскому послу, что Екатерина накануне смерти хотела сделать Карла-Фридриха генералиссимусом и передать престол дочерям, поскольку «ее сознание в это время было не совсем ясным».¹⁴⁰

Летом 1727 г. Совет повелел изъять у населения и из государственных учреждений все манифесты о деле царевича Алексея вместе с указом 1722 г. о престолонаследии «и впредь никому тех манифестов в домах своих ни под каким видом не держать и не читать».¹⁴¹ Таким образом, важнейший государственный акт — петровский устав 1722 г. — с одной стороны, не был отменен; но с другой — как бы признан властью недействительным. При этом никакого нового законодательного акта публично не объявлялось: завещание Екатерины I осталось большинству подданных неизвестным, и они присягали по прежней форме Петру II и его наследникам, «по соизволению и самодержавной от Бога данной императорской власти определенных».

Зато это было сделано за границей. Не успели российские министры при европейских дворах получить указания об опровержении «разглашений» по поводу дела Девиера и Толстого, как в Дании, Австрии, Швеции появились «фальшивые копии» завещания Екатерины. Русский посол в Вене Ланчинский по этому поводу безуспешно объяснялся сначала с австрийскими министрами, а затем с местными «газетирами», которые упорно отказывались раскрывать свои источники информации, но согласились опубликовать опровержение.¹⁴²

По мнению Коллегии иностранных дел, «утечка» произошла от голштинских министров: именно с их подачи сначала в Вене, а затем и в Стокгольме появился такой документ с «пассажами, которые шведской форме правления противны».¹⁴³ Российскому внешнеполитическому ведомству ничего не оставалось, как признать эту публикацию подложной, хотя ее текст был как раз исправнее отечественного «подлинника».¹⁴⁴

Такая ситуация вокруг важнейшего государственного документа лишний раз показала отсутствие не только прочных правовых традиций, но даже элементарного порядка в важнейшем вопросе российской государственности. Наметившийся политический компромисс не только не был надежно закреплен юридически, а, наоборот, привел к дезавуированию даже такого акта, как петровский устав 1722 г. Подобная неразбериха не только способствовала постоянной напряженности в «верхах»: соперничавшие группировки постепенно переходили от более или менее легальных способов борьбы к силовому давлению, которое впервые применил Меншиков.

Фортуна Меншикова

Меншиков и после курляндской истории не утратил своего особого положения.¹⁴⁵ Екатерина едва ли могла порвать с человеком, дважды открывшим ей дорогу к трону. Что касается герцога, то остается предположить, что и он, зависевший от финансовой и политической поддержки со стороны России, в свою очередь, был заинтересован в поддержке со стороны столь влиятельного лица. Во всяком случае, Карл-Фридрих начиная с августа 1726 г. получил в два приема 100 тысяч рублей, а затем еще 5 тысяч рублей.¹⁴⁶

Исключительное положение светлейшего отмечали все наблюдатели: «Он завел такие порядки в гражданском и военном ведомствах и начал уже приводить их в исполнение, которые сделали бы его действительным правителем, а царице оставили одно только имя. Это дошло, наконец, до того, что он овладел всеми делами, касающимися высочайших помилований, и отправлял по денежным и другим важным делам в коллегии приказы лишь им самим подписанные», — докладывал в августе 1726 г. прусский посол Мардефельд; почти в тех же выражениях писали своим правительствам другие члены дипломатического корпуса.¹⁴⁷ «Царица боится Меншикова», — так оценивал Рабутин расстановку сил при петербургском дворе в письме к полководцу Евгению Савойскому. Хотя все-таки Меншиков все же не был: инициированный им вопрос о восстановлении гетманства на Украине так и не получил одобрения в Верховном Тайном совете при Екатерине.¹⁴⁸

Помимо обладания званиями генерал-фельдмаршала, вице-адмирала и главы Военной коллегии, Меншиков оставался Санкт-Петербургским губернатором и начальником личной охраны императрицы — кавалергардской роты, которая несла службу во дворце и сопровождала ее в поездках.¹⁴⁹ Кроме того, Меншиков сумел отстранить другого подполковника Преображенского полка, генерал-аншефа И.И.Бутурлина от командования гвардией: с марта 1726 г. доклады по полкам на имя императрицы шли только за подписью князя.¹⁵⁰ Видимо, под давлением Меншикова из числа сенаторов был выведен тот же И.И.Бутурлин, а затем А.И.Ушаков и Г.Д.Юсупов; последние, по словам Кампредона, были этим весьма недовольны.¹⁵¹

В руках Меншикова, таким образом, была сосредоточена высшая военная и гражданская власть в столице: согласно «повседневным запискам», князь раздавал ордена, объявлял императорские указы, повышал в чинах гвардейцев (у которых часто крестил детей), утверждал дворцовый штат.¹⁵² Часто болевшая императрица все больше замыкалась в придворном кругу. Другие министры в 1726 г. все более оттеснялись на второй план. Возвращенный из ссылки Шафиров был назначен руководить китобойным промыслом в Архангельске. Ягужинский, хотя и сохранил должность генерал-прокурора, но фактически был отстранен от дел и отправлен послом в Польшу. В июне 1726 г. была упразднена петербургская Тайная канцелярия, во главе которой стоял Толстой, жаловавшийся, что его советы царица не слушает. Этим же летом просил об отставке генерал-адмирал Апраксин. Сенаторы И.А.Мусин-Пушкин и А.А.Матвеев оставлены в Москве. В тени Меншикова постепенно росло влияние А.И.Остермана, который в личных интересах немало помог своему покровителю в борьбе с противниками (Ягужинским, Шафировым) и стал «душой здешней иностранной политики», оттеснив канцлера Головкина.

Воцарение Петра II стало самым большим и последним успехом князя. Однако завещание Екатерины гласило, что вместе с ним «администрацию имеют вести наши обе цесаревны, герцог и прочие члены Верховного Тайного совета». В тот же день 7 мая Меншиков стал адмиралом, а его сын — обер-камергером, т.е. занял руководящую должность при дворе Петра II.

Меншиков сразу же начал «расплачиваться» со своими сторонниками: Ю.Фаминцын стал генерал-майором, А.Волков — генерал-лейтенантом; оба получили «деревни» из конфискованных имений Толстого и Девиера. И.И.Дмитриев-Мамонов был произведен в подполковники гвардии, Головкин и Голицын получили по 5 тысяч рублей, а Остерман — 6 тысяч. Одновременно Остерману была пожалована и вотчина; но вице-канцлер (едва ли не единственный случай в то время) отказался от подарка, и «отписные» владения вернулись в дворцовый фонд.¹⁵³

Уже через несколько дней, 12 мая, Верховный Тайный совет вместе с Меншиковым посчитали, что «государыням цесаревнам не о важных делах протоколов крепить не надобно». Дочери Петра I, таким образом, были фактически выведены из регентского совета — в его заседаниях они не участвовали; всего на пяти заседаниях появился и герцог.¹⁵⁴ По форме это являлось прямым нарушением только что объявленного завещания, т.е. «тихим» дворцовым переворотом. В тот день светлейший князь стал вторым из четырех российских генералиссимусов, хотя по Воинскому уставу Петра I «сей чин коронованным главам и великим владетельным принцам только надлежит».

Князь перевез Петра в свой дворец на Васильевском острове; в Петербурге свирепствовала оспа, и Меншиков распорядился, чтобы никто из больных и их родственников не смел приближаться к его резиденции. Светлейший старался постоянно держать царя при себе: вместе с ним он садился за обеденный стол, возил его то на конный, то на галерный двор, совершал развлекательные поездки по городу, в Кронштадт и свою загородную резиденцию Ораниенбаум.

Сразу же после похорон Екатерины (16 мая) начались тщательные приготовления к обручению Петра II с Марией Меншиковой, на которой отец остановил свой выбор. После консультаций с церковными деятелями 25 мая 1727 г. произошло и само обручение, совершенное Феофаном Прокоповичем. Вскоре Синод повелел во всех церквях России поминать рядом с Петром II «обрученную невесту его благоверную государыню Марию Александровну».¹⁵⁵ Для нее был создан особый двор с бюджетом в 34 тысячи рублей для содержания камергеров, фрейлин, гайдуков, лакеев, пажей и прочего персонала, во главе которого стала обер-гофмейстерина Варвара Арсеньева.

Перед смертью императрицы Меншиков и другие представители правящей верхушки в последний раз показали способность к компромиссу; это позволило несколько разрядить «переворотную» ситуацию. После своего триумфа Меншиков уже полагал компромиссы излишними. Первым делом он разгромил кружок гофмейстерины А.П.Волконской;¹⁵⁶ затем выдворил из России Анну Петровну вместе с ее мужем-герцогом.¹⁵⁷

Был упразднен Кабинет и его контроль над Верховным Тайным советом. Кабинет-секретарь Петра I и Екатерины Алексей Макаров «посажен... бывшим Меншиковым к испорченным делам в Камор коллегию в неволю» (как жаловался он позднее), его заместитель И.А.Черкасов — в обер-секретари Синода. Отправился в Сибирь по распоряжению Меншикова, как «в тайном деле весьма подозрительный», обер-церемоний-

мейстер граф Санти — автор российских городских гербов. Под военный суд был отправлен генерал-фискал Алексей Мякинин, выявивший в свое время злоупотребления князя. В июле 1727 г. получил полную отставку сенатор А.А.Матвеев.

Как казалось Меншикову, Петр был надежно изолирован от нежелательных влияний. И юный царь внешне соответствовал предназначенной ему роли: не разлучался с детьми своего опекуна, интереса к государственным делам не проявлял. Единственное известное его увлечение — охота — тоже контролировалось Меншиковым, который сопровождал Петра в поездках по окрестностям Петергофа. Там же для игры и обучения юного императора в июле 1727 г. была заложена «потешная» крепость Петерштадт.¹⁵⁸

Сам же князь находился на вершине мирской славы и получал поздравления от Голландских Штатов и императора Карла VI. Светлейший бесконтрольно распоряжался финансами и провел через Верховный Тайный совет решение о выпуске легковесных медных пятаков еще на 2 миллиона рублей вместе с копейками на 1 миллион и полушками на 500 тысяч рублей. По его приказу чеканились изготовленные из «фальшивого серебра» с мышьяком новые монеты; члены Берг-коллегии потом признавались, что так и «не осмелились» подать в Верховный Тайный совет соответствующее доношение. Меншиков задумал изъять из обращения все деньги, выпущенные с 1702 г., и обменять их на новые, «заработав» на этом 30 % прибыли за счет изменения пробы.¹⁵⁹

Готовилась к изданию монументальная биография «Заслуги и подвиги его высококняжеской светлости князя Александра Даниловича Меншикова», авторы которой на всякий случай указывали и на происхождение князя от «древней польской фамилии», и на его отношение к удельному князю Андрею Васильевичу, брату Ивана III. Перечень заслуг Меншикова, который «как Иосиф в Египте, счастливо управлял государством», дополнялся оправданием растрат: ведь на армию, придворный штат и подарки послам князь тратил «собственные деньги», т.е. содержал самого Петра I и его двор.¹⁶⁰ На возвышение князя отреагировала и изящная словесность: в только что сочиненной «Пьесе о воцарении Кира» прославлялся «первосоветник» Гарпаг, сумевший спасти и сделать царем юного Кира, вопреки воле его деда.¹⁶¹ Сам же Меншиков уже предполагал закрепить свое родство с династией, женив сына на сестре Петра Наталье; тогда при любых случайностях страной бы управляли его потомки.

Летом 1727 г. Меншиков карал и миловал, отбирал и раздавал своим приверженцам имени, как стало потом известно из поданных в Сенат жалоб. Он взял под собственную «дирекцию» дворцовое ведомство¹⁶² и позволял себе бесцеремонно вмешиваться даже в церковные дела: требовал от Синода не «производить» в сан архимандрита Александро-Невского монастыря до его личного прибытия и рассмотрения кандидатуры.¹⁶³

Гвардейские офицеры уже почтительно требовали от Верховного Тайного совета наград за свои услуги и не стеснялись прямо указывать, где их надо брать: «А есть еще деревни нерозданные Петра Толстова». «За службу при взятъ Антона Девьера» приходилось отписывать гвардейцам по 30–40 дворов.¹⁶⁴

«Записка о раздаче деревень» из архива князя показывает, что за «девятыми» опальных выстроилась целая очередь претендентов с возраставшими аппетитами: так, майор гвардии С.А.Салтыков оценил свои заслуги в 616 дворов из конфискованных владений Толстого, а получил только 202.¹⁶⁵ Бросается в глаза, что раздачи в начале «эпохи дворцовых переворотов» были еще умеренными: лишь самые доверенные лица, как Алексей Волков, получали помногу (288 дворов); выдачи остальным желающим скромные: 93 двора преображенскому подполковнику И.И.Дмитриеву-Мамонову, 65 дворов генералу К.Гохмуту, 55 дворов Варваре Арсеньевой.

Сам же князь в 1727 г. практически не посещал заседаний Военной коллегии, все реже бывал на заседаниях Верховного Тайного совета и подписывал, не читая, их протоколы¹⁶⁶ — и тем самым постепенно выпускал из рук контроль над гвардией и государственным аппаратом, где даже его «креатуры», как член Военной коллегии Егор Пашков, в частных письмах весьма нелестно отзывались о своем патроне.

22 июня светлейший заболел и надолго оказался прикованным к постели. В предсмертном обращении к Петру Меншиков не только просил его выполнить свои обещания в отношении невесты, но и сумел подняться до государственного уровня и указать царю на ожидавшие его трудности: «Восприяли вы сию машину недостроенную, которая к совершенству своему многова прилежания и неусыпных трудов требует». Князь призывал своего воспитанника к тому, чтобы все его «поступки и подвиги изобразовали достоинство императорское»; предостерегал его от людей, «которые похотят вам тайным образом наговаривать»; хорошо зная нрав мальчика, он советовал «в езде так и в протчих забавах умеренно и осторожно поступать».¹⁶⁷

В том же письме Меншиков высказал безусловное доверие Остерману, которому в другом послании поручил заботу о своей жене и детях. Барон Андрей Иванович ближе всех стоял к императору — и он же подготовил переворот, свергнувший самого Меншикова. Но Остерман обладал в высшей степени развитым чутьем и умением спрятаться за чужую спину. На первом плане действовали князья Долгоруковы — Алексей Григорьевич и его сын, семнадцатилетний Иван, с разрешения Меншикова вернувшийся ко двору.¹⁶⁸ Новые фавориты предоставили мальчику взамен надоевшего учения гулянья и игры, так выгодно отличавшиеся от строгой опеки Меншикова.

После выздоровления регента начались его открытые столкновения с императором: дипломаты докладывали, что Меншиков присвоил деньги, поднесенные царю; что Петру вовсе не нравилась его невеста. Светлейший же позволял себе публично выговаривать Петру, что «всего неделю он выдал царю 200 рублей, и уже ничего не осталось», и забрал к себе подарки императора Карла VI племяннику.¹⁶⁹ В то же время документы Верховного Тайного совета показывают, что сам князь свободно распоряжался дворцовыми суммами: в одном только 1727 г. он позаимствовал на свои расходы 200 тысяч рублей.¹⁷⁰

В таких обстоятельствах даже разумные распоряжения Меншикова о прекращении денежных трат по прихоти ребенка должны были восприниматься Петром — с помощью новых друзей — как покушение на его

власть. В августе уже всем иностранным дворам было известно, что во время одного из столкновений Петр закричал на Меншикова: «Я тебя научу, что я — император и что мне надобно повиноваться!»¹⁷¹ С середины августа царь со своим окружением и Меншиков уже жили раздельно, но корректные отношения пока сохранялись.

Детали развязки остаются скрытыми от нас; только наиболее авторитетный из иностранных послов граф Рабутин сообщил о своей беседе с Остерманом 2 сентября: очевидно, опытный дипломат решил подготовить союзника к будущей перемене. Из этой беседы австриец узнал о готовившемся смещении Меншикова и участии в подготовке этой акции канцлера Головкина, во дворец которого как раз в это время гостил император.¹⁷² Ни на именины к Меншикову, ни на освящение новой церкви в Ораниенбауме Петр не приехал; не было среди гостей и Остермана. «Весь двор находился в ожидании перемены», — записал в донесении от 5 сентября прусский посол Мардефельд. Только сам князь как будто ничего не подозревал: его «повседневные записки» фиксируют обычный распорядок дня, все тех же посетителей и привычные «забавы» в виде карт и шахмат. «Забавлялся в шахматы» Меншиков и 4 сентября, когда приехал в Петергоф; но свидание было кратким, и остаться наедине с императором ему не удалось.

Только на следующий день Меншиков почувствовал недоброе и отправился выяснять отношения с Остерманом, которого назвал «атеистом» и угрожал ссылкой в Сибирь. Видимо, разговор был очень острым: даже обычно невозмутимый Остерман не сдержался и заметил на это, что и он хорошо знает человека, который вполне заслужил четвертование.¹⁷³ Меншиков явно не обладал дипломатическими способностями, чтобы изменить свое обращение с «неблагодарным» мальчишкой и «подстроиться» под него в конфликтной ситуации. Затем он сделал новую ошибку — уступил «поле боя» противникам и вернулся в Петербург.

Он явно не знал, что предпринять: 6 и 7 сентября то появлялся на заседаниях Верховного Тайного совета, то говорил о желании отойти от дел и уехать на Украину, то вызывал обратно им же высланного учителя Петра II Зейкина (вероятно, на замену Остерману)¹⁷⁴ и приказывал фельд-маршалу М.М.Голицыну «поспешать сюда как возможно».¹⁷⁵

Х.-Г.Манштейн в мемуарах упрекал Меншикова в том, что он распустил по квартирам свой Ингерманландский полк, «который... внушал немало уважения врагам князя». Однако едва ли солдаты и офицеры осмелились бы сопротивляться приказам законного императора — тем более что гвардейские полки еще 7 сентября получили от Петра приказ «никаких иных указов не слушать и не исполнять кроме того, что вам от генерал-поручиков и маэоров гвардии нашей князь Григорья Есупова и Семена Салтыкова нашим именем повелено будет».¹⁷⁶

7 сентября Петр переехал из дворца Меншикова в «Новый летний дом» у Невы. На следующее утро князю был объявлен домашний арест. На улицах под барабанный бой обывателям зачитывали указ о том, что император «всемилостивейшее намерение взяли от сего времени сами в Верховном Тайном совете присутствовать и всем указам быть за подписанием собственныя нашей руки» и о «неслушании» любых распоряжений Меншикова.¹⁷⁷

При этом именной указ 6 сентября о переезде императора стал очевидным в этом году изменением устройства верховной власти. Государь объявлял себя вступившим «в правительство» (т.е. совершеннолетним); тем самым регентство Верховного Тайного совета упразднялось и этот орган превращался в прежнее совещательное учреждение «при боку нашем». Так от имени Петра следом за Меншиковым был еще раз нарушен «тестамент» Екатерины I и совершен государственный переворот, который как будто и не осознавался окружающими, хотя означал ликвидацию регентских полномочий самого Верховного Тайного совета.¹⁷⁸

9 сентября в Совете появился и сам Петр; но еще до его прихода Остерман представил присутствовавшим собственную записку о «винах» Меншикова. Единогласным решением тот был лишен званий, чинов и орденов и приговорен к ссылке в дальнее имение — городок Ораниенбург под Рязанью. Подписанный императором «в своих покоях» приказ об этом также принес Остерман.¹⁷⁹ Сам князь, его жена и дети пытались обращаться к царю с письменными и устными просьбами о помиловании. Возможно, Петр какое-то время колебался: сохранились противоречивые известия о его поведении в отношении жены Меншикова и своей невесты.

Устранение министра-временщика показало, что такая ситуация была еще недостаточно «отработана»: свергнутый правитель России отправился в ссылку в роскошной карете с целым караваном имущества и прислуги. В дальнейшем подобные «падения» будут проходить уже по иному сценарию: с немедленным арестом, следствием, предрешенным приговором и автоматической конфискацией движимого и недвижимого имущества.

В данном же случае события разворачивались постепенно, и новые правители будто чего-то опасались. Но с «клиентами» Меншикова уже не стеснялись: в сентябре-октябре 1727 г. были сняты со своих постов столичный комендант Ю.Фаминцын, кавалергард и майор гвардии А.И. Шаховской, член Военной коллегии А.Я.Волков был лишен всех чинов, а секретарь князя А.Яковлев — вотчин. Ушел в отставку генерал-лейтенант М.Я.Волков, под следствие попал адмирал М.Змаевич.¹⁸⁰ В Военную коллегию были назначены Г.Д.Юсупов и Б.-Х.Миних.¹⁸¹ Однако кадровые перемены затронули только военное ведомство, на составе Сената и других учреждений смещение Меншикова не отразилось (см.: Приложение, Таблица 1).

Новым в российской политической практике было и то, что «падение» временщика вызвало международные осложнения. Инструкции послам в Вене и Берлине предписывали доказывать союзникам, что «для некоторых важных причин князя Меншикова от всех дел отлучили», но «управление дел в империи нашем по-прежнему з добрым порядком продолжается». Ланчинский докладывал о своих беседах с австрийцами «в презерватив против всяких лживых толкований», в которых он подтверждал, что Россия будет соблюдать только что заключенную конвенцию о посылке войск на помощь Австрии.¹⁸² Послу в Пруссии А.Г.Головкину тоже пришлось уверять, что «перемена с ним, князем Меншиковым, никакой отмены в истинной вашего и. в. дружбы к его королевскому величеству не принесет».¹⁸³

Западная пресса осенью 1727 г. также обсуждала события в России. Лейденские «куранты» печатали фантастическую биографию временщика («Жизнь и природа князя Меншикова»): как молодой Меншиков торговал пирожками, был замечен Петром, стал любовником дочери коварного «князя Амилки» и разоблачил его заговор против царя. Кельнские и франкфуртские «ведомости» сообщали в качестве достоверных фактов известия о том, что фаворит приказал убить своих же послов к австрийскому двору, чтобы отобрать у них царские подарки; их читатели узнавали о богатстве министра («9 миллионов облигаций или биллетов иностранных банков») и его коварных замыслах «младолетнего монарха погубить».

Помимо интереса к фортуне могущественного министра, в публикациях можно отметить и еще одну тенденцию: их авторы связывали судьбу Меншикова с успехом реформ и положением иностранцев в России. Они помещали известия о том, что «между россиянами и иностранцами немалые драки произошли», но успокаивали читателей: новый царь испытывает почтение «ко всем нациям» и запрещает обижать иностранцев «под смертным наказанием».¹⁸⁴

В конце 1727 г. после сообщения русского посла в Швеции Николая Головина о связях Меншикова со шведским сенатором Дибеном и возможном получении им денег от шведов за сведения о внешнеполитических планах России начался новый розыск. Осенью 1727 г. Лефорт и Маньян передавали расхолодившиеся по столице слухи о якобы найденных в его бумагах планах изменения состава Верховного Тайного совета (вместо Апраксина, Головкина и Остермана туда предполагалось ввести генералов Чернышева, А.Я. и М.Я. Волковых), о намерениях заменить своими людьми офицеров Преображенского полка и даже занять 10 миллионов талеров у прусского короля, чтобы самому «взойти на престол русский».¹⁸⁵

Большинство подобных толков, как и сообщаемые современниками цифры несметных богатств князя, не соответствуют действительности. Но характерно само развитие подобных обвинений: во-первых, признание роли гвардии и попытки (мнимые или реальные) Меншикова, как и других непопулярных правителей (Бирона, Петра III) изменить ее состав; во-вторых, первый опыт обвинения павшего министра в предосудительных связях с иностранным двором, что в какой-то мере являлось отражением возросшей роли страны в европейской политике.

Однако обвинители еще не имели опыта ведения таких процессов, чтобы убедительно обосновать «вины» недавнего правителя или сфабриковать их. Заготовленный манифест о его преступлениях так и остался неопубликованным: большинство обвинений Меншикова (в перевозе царя в свой дворец, неуважении к его бабке-царице, издании указов) выглядели либо неубедительно, либо не соответствовали действительности.¹⁸⁶

В эпоху абсолютных монархий фаворитизм становится особым институтом в силу сосредоточения колоссальной власти в руках одного, часто отнюдь не выдающегося по своим способностям человека. В России 1725–1730 гг. этот институт переживал период становления: одни, не успев утвердиться в роли, сходили безвестными со сцены (П. Сапега); другие заняли свое место в придворном мире (братья Левенвольде); третьи претендова-

ли на исключительную роль правителя государства (Меншиков). В последнем случае князю предоставлялась возможность проявить себя в качестве государственного деятеля уровня Ришелье или Мазарини.

Однако Меншикову такая роль оказалась не по силам. Его запросы не поднялись выше имений, титулов, почестей, а также выделки фальшивых гривенников и выпрашивания герцогства и новой кареты у австрийского императора. Иностранные дипломаты, как на аукционе, стремились удерживать князя в рамках того или иного политического курса, соответственно расценивая его в качестве «капитала, приносящего... нам большие кредиты», по утверждению австрийского посла Рабутина.¹⁸⁷

Размах и произвол действий временщика, как можно полагать, характерны для раннего этапа формирования «культуры» российского фаворитизма, когда его носители еще не представляли себе границ дозволенного. Вероятно, что личному другу Петра Великого и выходцу из низов было особенно трудно эти границы осознать. Более тонко чувствовавшие ситуацию дипломаты дружно сетовали, что Меншиков демонстрировал «суровость» и управлял «как настоящий император» — вместо того, чтобы вести себя «по правилам»: оказывать милости, заручиться доверием самого царя, его сестры Натальи и членов Верховного Тайного совета.¹⁸⁸ Сам князь, похоже, этого так и не понял и оттого был таким беспомощным в последние дни перед крушением.

Легкость «свержения» регента во многом была его же собственной заслугой: именно Меншиков и его сторонники своим натиском обеспечили воцарение Екатерины, а затем — вопреки ее воле — вступление на престол Петра II с последовавшим нарушением незадолго до того составленного екатерининского завещания. Правовой и моральный вакуум на самом верху политической системы неизбежно вел к «переворотным» методам борьбы — и в данном случае обернулся против самого Меншикова. Упоение властью привело князя к конфликтам с царем и его окружением и репрессиям по отношению к недавним союзникам. Чины и титулы не могли заменить ему утраты прежних сторонников и «приводных ремней» в рядах гвардии и высшей бюрократии: за время своего короткого регентства он не произвел принципиальных кадровых назначений (см.: Приложение, Таблицы 1 и 2).

Так наметившееся еще в конце XVII века «переворотное» устранение политических фигур с исключением их не только из властного круга, но и из всей «нормальной» жизни — лишением чинов, «чести», имущества (в оборот войдут формулы «бывший Меншиков», «бывший Бирон») — станет нормой в послепетровской России. Возраставшая атмосфера нестабильности будет только способствовать развитию политических конфликтов, в которых проигравший терял все. Лишь к середине века институт фаворитизма окончательно «встроился» в систему российской монархии: «случайные люди» заняли в ней свое место, их взлеты и «отставки» стали проходить, не вызывая переворотов с опалами и ссылками.

«Возвращение» в XVII век?

Оценки короткого царствования Петра II как возвращения к власти «боярской аристократии», намеревавшейся «возродить старые формы вла-

сти»,¹⁸⁹ представляются излишне однозначными. В переписке дипломатов при российском дворе можно найти неоднократно высказываемые опасения победы «старомосковской партии» при дворе и «ужаснейшей революции», которая вернула бы страну к «прежнему состоянию». Однако существовали ли реальные основания для столь панических настроений?

Впечатления дипломатов от российской действительности во многом зависели от политического курса представляемых ими держав и от успехов их миссии в России.¹⁹⁰ Наиболее тревожными были донесения представителей Австрии и Испании, которые воспринимали изменение петровских порядков как ослабление союзной России: «Как скоро древние фамилии будут находиться у кормила правления, русские мало-помалу возвратятся к прежним формам общежития и станут по-прежнему относиться равнодушно к политическим делам в Западной Европе; Россия лишится всякого значения, и союз с нею не окажется выгодным», — полагал в 1728 г. испанский посол при дворе Петра II Хакобо Франсиско Фитц-Джеймс Стюарт, герцог де Лириа-и-Херика.¹⁹¹

Его задачей было подвигнуть Россию на военную интервенцию в Англию, чтобы вернуть престол «претенденту» Якову III Стюарту. Герцог был с почетом принят при дворе, но для России союзники были важны прежде всего «для нынешних наших персидских дел», а вмешательство в далекие от интересов страны конфликты в планы русского правительства не входило. Не удивительно, что в донесениях де Лириа звучит раздражение против «хитрых и лукавых» москвитов, питавших «ужасную ненависть» к иностранцам.

Однако эти обвинения в адрес «старой русской партии», как правило, неконкретны и безымянны. Но как только автор оценивал конкретных и знакомых ему лиц, его отношение менялось: тем же Голицыным он давал отличную характеристику. Сам Петр II представлялся ему «гарантом» прежнего курса; в сестре царя дипломат видел покровительницу иностранцев. Посол отметил качество продукции российских мануфактур; гвардию считал «лучшим войском», а флот — подготовленным к возможной войне со Швецией.¹⁹² «Партии» Голицыных и Долгоруковых де Лириа называл противниками иностранцев, но признавал, что их действия сводились к борьбе за придворные и государственные посты; к этому же (а вовсе не к возвращению допетровских порядков) стремились и другие придворные группировки, выступавшие против стоявших у власти кланов.¹⁹³

Уже обжившиеся в России дипломаты, как прусский посол Густав фон Мардефельд, хотя и сообщали про «старорусскую партию», но вовсе не верили в «большую русскую революцию», поскольку никто в правящем кругу не намерен был отказываться от «славы или завоеваний своей родины». ¹⁹⁴ В представлении дипломатов гарантией европеизации являлась именно самодержавная власть, и возможное «смягчение формы правления» оценивалось как движение в попятном направлении «к прежней форме общежития». ¹⁹⁵

Представителям противоположной группировки — дипломатам Англии и Франции — ситуация в России также не виделась катастрофической. По мнению Маньяна, члены «старорусской партии» (этот термин

впервые был использован даже не самим дипломатом, а его начальством в Париже¹⁹⁶) были недовольны дороговизной в Петербурге и удаленностью его от своих вотчин, но вовсе не собирались ликвидировать новую столицу, флот и международную торговлю. Деятельность этой «партии» признавалась даже полезной, поскольку она препятствовала планам венского двора. Француз отмечал «рознь» между русскими министрами, но при этом видел и неизменность курса внешней политики, и единство «в деле поддержания спокойствия внутри страны». Критические высказывания о «грубости» и «грязном корыстолюбии» русских появляются как раз в тот момент, когда оказались безуспешными все попытки французской дипломатии изменить внешнеполитический курс России и заключить торговое соглашение.¹⁹⁷ Английский же консул Клавдий Рондо, напротив, был доволен расположением «старорусской партии» к англичанам и рассчитывал на скорое заключение торгового договора.¹⁹⁸

Кажется излишне категоричным полагать, что известные меры послепетровских правительств (упразднение местных органов коллегий и изменение системы местного управления¹⁹⁹) стали следствием осознания членами Верховного Тайного совета «непригодности существующей системы»²⁰⁰ или являлись «возвращением к старине» прошлого столетия и «шагом назад в ходе централизации государства». ²⁰¹ Скорее, это была некоторая либерализация петровской системы, на которую могло и способно было пойти правительство в условиях, когда, по его мнению, «об убавке расходов на армию опасно и думать».

Были отменены «поворотный сбор» с въезжавших в город возов и пошлины с продажи кораблей, построенных русскими купцами на отечественных верфях; монополии на торговлю табаком и солью, разработку слюды; разрешено «каменное строение» не только в Петербурге, но и в других городах. При Петре II в 1729 г. появился Вексельный устав, действовавший без принципиальных изменений до XIX века. Тогда же был ликвидирован институт фискалов, которых было велено определить «в военную службу и к делам и в отставку». ²⁰² Купцы обрели право заграничной торговли через Архангельск, а дворяне могли свободно «продавать домашние свои товары, которые в собственных их деревнях и у них и у крестьян их имеются и за домовными их расходы бывают в остатке». Насильственно поселенные в столицу обыватели получили возможность «увольнения» и продажи своих домов.²⁰³

Эти мероприятия несколько облегчали регламентацию внешней и внутренней торговли; но приняты они были, прежде всего, в надежде на увеличение казенных доходов и не ставили заботу о «купечестве» на первое место. Поданный в 1727 г. в Коммерц-коллегию перечень основных просьб российских купцов показывает, что их главные требования (освобождения от постоев и разорительных городских «служб», сохранение Главного магистрата) не принимались в расчет.²⁰⁴

Правительство не спешило приватизировать государственные предприятия «в вольную компанию». Либерализация тарифа вызвала у купцов опасение трудностей сбыта отечественной продукции, тем более что иноземцы свои товары провозили «тайно», торговали в розницу и заклю-

чали подряды. Из всех поданных купеческих «мнений» позднее были осуществлены только отмена монополии на соляную и табачную торговлю и введение русских браковщиков в порту.²⁰⁵

Ломка петровской конструкции управления также не была радикальной, несмотря на очень возможное субъективное стремление взять за образец старые добрые времена, «как было до 1700 году».²⁰⁶ Модернизация центральных управленческих структур стала необратимой, несмотря на некоторое сокращение, — заметим, начавшееся еще при жизни Петра, обеспокоенного резким увеличением количества приказных.

Например, так и не удалось «сократить» Берг-коллегию: важность данной отрасли и наличие местных органов горного ведомства заставляли сохранять и центральный аппарат под иными названиями: «Правление горных и рудокопных дел», «Генерал-берг-директориум». История воссозданного Сибирского приказа показала, что возвращение к традициям управления XVII века было неосуществимо в условиях сложившихся отраслевых органов центрального управления и сильной губернаторской власти.²⁰⁷ Анализ изменений регламентов Вотчинной коллегии и практики деятельности Верховного Тайного совета свидетельствовал не о возвращении к старине, а о дополнении петровских новаций «тем, что там прежде выработалось положительного», или приспособлении их к укладу русской жизни.²⁰⁸

На местах отмена петровских порядков также не была абсолютной. Сохранилось и развивалось губернское административно-территориальное деление: в 1726—1727 гг. появились Новгородская, Смоленская и Белгородская губернии. Ликвидация многих звеньев местного аппарата была скорее вынужденной: бюрократизация управления постоянно сталкивалась при отсутствии финансовых возможностей и подготовленных кадров. Результатом стало хроническое «малолюдство подьячих при многодельстве в канцеляриях», вплоть до определения к делам шведских военнопленных и грамотных уголовных преступников. Но и подданные были неспособны разобраться в компетенции новых учреждений, при неумении и нежелании и тех, и других действовать в рамках закона.

Поэтому не логичнее ли вслед за М.М.Богословским признать, что петровские административные новшества «опережали общество»?²⁰⁹ Стоит вспомнить и о том, что активно обсуждавшее зимой 1730 г. планы устройства верховной власти шляхетство не интересовалось местным управлением; этот интерес проявился позднее — в дворянских наказах 1767 г. — и послужил предпосылкой успешного проведения губернской реформы Екатерины II. Правда, внезапная отмена новых местных учреждений усиливала беспорядок и порождала новые проблемы. Весной 1727 г. Сенат забрасывали запросами: что делать с оставшимися после вывода расквартированных войск полковыми дворами и находившимися на них лошадьми; кто должен караулить «колодников» в провинциальных канцеляриях; в чем заключаются теперь обязанности земских комиссаров и что делать с офицерами, которые не принимают всерьез «промемории» подьячих и не сдают дела.²¹⁰

В царствование Екатерины I и Петра II страна продолжала более или менее успешно усваивать «плоды» преобразований Петра Великого. Не был изменен и намеченный в 1726—1727 гг. внутривластный курс,

где частичные «попечения» проводились в рамках той же самой петровской системы. Не произошло смены кадров на руководящих постах в коллегиях и канцеляриях, за исключением опалы Меншикова и отставки П.П.Шафировова из президентов Коммерц-коллегии в 1728 г.

Критика петровских порядков не привела к каким-либо серьезным изменениям и в сфере фискальной политики. Комиссия о подати во главе с Д.М.Голицыным признала, что подушное обложение является более тяжелым, чем прежнее подворное, и предложила снизить подушную подать: для церковных и монастырских крестьян — до 60 копеек; для помещичьих — до 50 и 40 копеек.²¹¹ Нам неизвестна реакция в правящих кругах на эти выкладки, в итоге так и оставшиеся на бумаге. Подушная подать была сокращена в 1725 г. на 4 копейки; а в 1727 г. отсрочено взимание ее «майской трети».²¹² Сам же принцип подушного «оклада» комиссией не подвергался сомнению и остался неизменным на протяжении всего столетия, несмотря на его недостатки — несовершенство системы учета плательщиков.²¹³ Остались без последствий и просьбы горожан о сокращении податей.²¹⁴

Сами «верховники» при первой возможности готовы были отступить от своих же собственных, изложенных в записках 1726 г., идей. Меншиков обратился к своим коллегам в Совете с предложением восстановить военные команды для сбора подати, «бес которых, по мнению моему, они, воеводы, исправлять не могут».²¹⁵ Так, в августе 1727 г. Верховный Тайный совет возобновил посылку военных команд для взыскания податей и недоимок. Последующее «свержение» самого Меншикова ничего не изменило: и в 1728 г. Совет вновь направил в провинции такие команды.²¹⁶ В декабре 1728 г. он же приказал назначать секретарей в провинциальные города, где эти должности были год назад упразднены.

Военные расходы почти не уменьшились: в 1725 г. 83 полка регулярной армии вместе с гарнизонами насчитывали 158333 человека, а в 1726 г. 84 полка — 157269 человек.²¹⁷ Несмотря на то, что в 1729 г. треть солдат и офицеров из дворян была распущена по домам, смотры 1728—1729 гг. показали «исправность» стоявших на Украине и в Прибалтике корпусов. Флот ежегодно выходил на обычное «крейсование». Прекращенное было строительство больших кораблей возобновилось, и в 1729 г. со стапелей сошли три корабля — «Рига», «Выборг» и «Полтава»; для ремонта тех, где «явилось много гнилости», были отпущены средства.²¹⁸ Строились и новые галеры, о чем регулярно извещали «Санкт-Петербургские ведомости».

Новый курс Остермана во внешней политике был направлен на укрепление союза с Австрией и устранение прежних ошибок Екатерины I — освобождение «добрым порядком от имеющихся обязанностей с голштинским двором». На западной границе — в Лифляндии, под Смоленском и вокруг Петербурга — были сосредоточены 10 драгунских и 16 пехотных полков, предназначенных для отправки на помощь Австрии. Не изменился прежний курс и на юге: и в 1728, и в 1729 гг. на «низ» отправлялись новые полки; только вместо шаха Тахмаспа главным союзником в Петербурге признали афганского правителя Ирана Эшрефа, с которым в феврале 1729 г. был заключен договор.

В бумагах Верховного Тайного совета уже находился проект образования кадетского корпуса «по берлинской степени» (со сметой расходов в 18 909 рублей), в котором будущие офицеры изучали бы не только «воинское обучение», но и широкий цикл наук, включавший историю, географию, юриспруденцию, «политику» и «государственные всякие права».²¹⁹ Академия наук и университет (где пока на 18 профессоров приходилось 9 студентов) отмечали императорскую коронацию специальной сессией, где, по анонсу «Ведомостей», «господин Делиль на французском языке проблематический вопрос изъяснит, ежели учиненными поныне астрономическими наблюдениями доказать можно, которое сущее система есть света, и ежели земля вокруг солнца обращение имеет или нет».

Нагиск европеизации в культурной сфере встретил некоторое сопротивление церковной оппозиции. Ростовский архиепископ Георгий Дашков вступил в борьбу с Феофаном Прокоповичем и готовил восстановление патриаршества, претендуя на пост главы русской церкви. Возобновились преследования раскольников. В 1728 г. Сенат потребовал «двойной оклад за раскол из за бороды по 50 рублей брать без упушения; а кто платить не станет, тех, не держав под караулом нимало, отсылать в Рогервик в работу». Тогда же в Сенате, а затем и в Верховном Тайном совете рассматривались обвинения смоленских дворян, перешедших в католичество и отдавших детей в польские школы: ослушникам пригрозили казнью за «совращение» и запретили иметь учителей «римской веры». Усилилась церковная цензура: упомянутый выше доклад на сессии Академии наук о гелиоцентрической системе мира не был разрешен к публикации на русском языке как противный христианской вере и опасный «для неутвержденных душ».

Однако требование запрещения браков с иностранцами встретило сопротивление со стороны Феофана Прокоповича и осталось, как и иные планы церковной верхушки, неосуществленным. Политика по отношению к Синоду при Петре II стала более неблагоприятной, чем при Екатерине I: его всеподданнейшие доклады не рассматривались, зато дважды проводилась ревизия этого учреждения и проверялась его отчетность по денежному сборам.²²⁰

Более того, при Петре II господство так называемой «старорусской партии» даже обернулось усилением позиций иноземцев. С 1729 г. лифляндских и эстляндских «недорослей» разрешалось свободно записывать в полки с жалованием «по немецкому окладу», т.е. в два раза выше, чем их русским сослуживцам.²²¹ Закрытие же в Петербурге типографии Синода и Александро-Невской лавры привело к сокращению изданий русских книг; академическая типография в 1729 г. вообще прекратила книгоиздание на русском языке, в том числе публикацию первого русского научного журнала — «Краткого описания комментариев Академии наук», что расценивается как «контрреформа в области культуры».²²²

Переезд двора и государственных учреждений из Петербурга в Москву означал в глазах многих современников принципиальный отказ от продолжения петровской политики. Австрийский посол тревожился: «Вельможи поселятся в Москве, не станут более заботиться о флоте и о

войске, и вновь завоеванные провинции окажутся подвергнутыми крайней опасности».²²³ По-видимому, этот вопрос волновал многих и в России, и за границей: Коллегия иностранных дел даже поручила Академии наук опровергать «фальшивые разглашения» о том, что юный император навсегда останется в Москве и не станет «стараться» об укреплении новых провинций, армии и флота.²²⁴

Но покидать новую столицу никто не собирался. В июне 1728 г. было открыто судоходство по Ладожскому каналу, а в следующем году Сенат приказал срочно вернуть в Петербург всех «переведенцев», которые «разъехались сами собою без указа в прежние и в другие города», под угрозой вечной каторги и конфискации имущества. Из Петербурга уже были налажены регулярные рейсы пакетботов в Гданьск и Любек (за 3 рубля в один конец), а в самом городе в 1729 г. французские комедианты «безденежно» разыгрывали для всех желающих пьесу «Ле педан скрупулез» («Совестный школьный учитель»)²²⁵.

И в обыденной жизни Москвы дневник войскового подскарбия Якова Андреевича Марковича за 1728–1729 гг. постоянно фиксирует детали нового быта: в Грановитой палате устраивались ассамблеи, на улице можно было зайти в «кофейный дом», а о новостях из Лондона, Парижа, Вены и даже Лиссабона — прочитать в газете, приходившей из Петербурга с месячным опозданием. В повседневный обиход вошли «канарский цукор», кофе по 20 алтын за фунт; а вот чай был еще дорог (фунт стоит целых 6 рублей) и несоизмерим по цене с икрой (5 копеек за фунт). Обыватель мог развлекаться карточной игрой «шнип-шнап» (немецкая колода стоила 8 копеек). Для любителей более серьезных занятий продавались учебники (первый отечественный курс истории — «Синописис» — стоил 50 копеек), «Политика» Аристотеля, «книжка об орденах» и «коронные конституции» Речи Посполитой. В тележном ряду можно было приобрести «англинскую коляску»; купить слугам готовые «немецкие кафтаны» по 2 рубля 25 копеек, а для хозяев — китайские фарфоровые чашки (50 копеек), «померанцевые деревья с плодами» (5 рублей) и такие приборы, как «barometrum» и «thermomethrum» (за оба — полтора рубля).²²⁶

Неуловимые на первый взгляд перемены коснулись даже твердыни старообрядчества — знаменитой Выговской общины, добившейся от правительства официального признания и самоуправления. Ее авторитетный наставник Андрей Денисов с упреком обращался к молодым единоверцам, склонным к своеволию и мирским радостям: «Почто убо зде в пустыне живете? Пространен мир, вмещающий вы; широка вселенная приемлющая вы. По своему нраву прочая избирайте места».

Вряд ли ведущую тенденцию первых послепетровских лет можно определить как сугубо реакционную по отношению к «наследству» царя-реформатора и уж тем более как «аристократически-боярскую». Тяжелая война, налоговый пресс, ломка привычного уклада жизни — все это явилось оборотной стороной петровских преобразований и привело к чрезмерному напряжению всех сил страны. Поэтому многие меры нового царствования: частичное «прощение» подушной подати, разрешение свободного устройства горных заводов в Сибири, вольная продажа табака,

соли, поташа, право вывозить товары не через Петербург, «вексельный устав» и прочее «увольнение коммерции» — были жизненно необходимы. Некоторое ослабление полицейского режима, ликвидация института фискалов, узаконенные продолжительные отпуска из армии, отсутствие войн создавали желанную передышку для служилого сословия, а отчасти и для мужиков, которые искренне могли благодарить за это Петра II. Скорее, можно назвать это время эпохой проверки реформ на прочность, выявления того, что «в петровских реформах выдерживало испытание временем и что должно было быть оставлено».²²⁷

Власть без императора: Петр II и его двор

Заставшим эпоху Петра I современникам приходилось осваиваться с новым порядком вещей, при котором государство существовало без самого правителя, пропадавшего на охоте.

Из сохранившейся «Росписи охоты царской...» следует, что для императора в селе Измайлове были заготовлены 50 саней, 224 лошади, сотни собак и «для походов 12 верблюдов»; охотничий «поезд» обслуживали 114 охотников, сокольников, доезжачих, лакеев и конюхов.²²⁸ В Москве царя видели редко. По неполным подсчетам (не учитывались короткие поездки на 1-2 дня), он за два года пребывания в Москве провел на охоте более 8 месяцев.

Несколько раз Петр обещал Остерману заняться учебой и присутствовать в Верховном Тайном совете — но обещания не сдержал. «Ведомости» в мае 1728 г. извещали читателей: «Из Москвы явствуют последние письма от 29 дня апреля, что его императорское величество 30 верст отсюда на ловлях забавляться изволит». Охотничья экспедиция затянулась до ноября, когда царь вернулся в Москву на похороны сестры Натальи. Возвращаться в Петербург он уже не хотел: «Что мне делать в местности, где, кроме болот, да воды, ничего не видать», — заявил он, по информации английского консула, Остерману.

В следующем году Петр II со своей охотничьей командой постоянно носился по ближним и дальним окрестностям столицы.²²⁹ Не состоялось и задуманное Остерманом в 1729 г. путешествие Петра по России через Смоленск и Киев (осведомленные иностранцы полагали, что Остерман имел в виду вывезти Петра в Европу). Долгоруковы не выпускали царя из Москвы.

Склонности императора стали учитываться в большой политике: прусский король прислал в подарок Петру выездных лошадей и набор ружей; дядя, австрийский император Карл VI, и польский король Август II — охотничьих собак. Но эти же привычки приводили в отчаяние иностранных послов, лишенных возможности даже представиться царю.²³⁰

«Можно бы было сравнить его с кораблем, предоставленным на произвол судьбы. Буря готова разразиться, а кормчий и все матросы опьянели или заснули. Огромное судно несется, и никто не думает о будущем», — писал в ноябре 1728 г. о российском государстве саксонский посланник Иоганн Лефорт,²³¹ и с ним были согласны другие дипломаты.

Однако за описанием придворной суеты в донесениях дипломатов заметна и некоторая стабильность, проявляющаяся хотя бы в повторении

на протяжении многих месяцев одних и тех же жалоб на уклончивого Остермана или беспокойного фаворита. Отсутствие императора (в 1727 г. Петр посетил Верховный Тайный совет 9 раз, в 1728 г. — 4 раза, а с апреля 1728 г. там вообще не появлялся до своей смерти) как раз способствовало устойчивости сложившейся правительственной системы, поскольку исключало непредсказуемое вмешательство мальчика-императора в работу высших государственных учреждений.²³² Эту стабильность в послепетровскую эпоху обеспечивали фавориты и Верховный Тайный совет, взаимно корректировавшие «неотработанный» пока механизм абсолютной власти при явно неспособном ее носителе.

Новая конфигурация власти опиралась, с одной стороны, на Верховный Тайный совет, в деятельности которого ни ссылка Меншикова, ни придворная борьба 1728—1729 гг. «не оставила ни малейшего следа»;²³³ с другой стороны, на заменивший Меншикова целый клан Долгоруковых, в котором решающие роли играли Алексей Григорьевич и его сын Иван. Последние, в отличие от Меншикова, не пытались подмять под себя верховную власть и «разделили» ее с Верховным Тайным советом, хотя в 1728 г. места в нем заняли два представителя рода — А.Г. и В.Л. Долгоруковы.

Алексей Григорьевич, человек «посредственного разума», никакими отличиями не блистал и возвышением был обязан сыну Ивану — любимцу императора — и умению развлекать Петра II на охоте. Братья Алексея Григорьевича Иван и Сергей стали тайными советниками. Из Ирана вернули еще одного представителя клана — генерала Василия Владимировича Долгорукова, который был произведен в фельдмаршалы. Молодой Иван Долгоруков стал капитаном в Преображенском полку, где несколько представителей младшего поколения клана занимали офицерские должности.

Главной «сферой влияния» Долгоруковых являлся двор, который в эти годы стал одним из центров политической жизни. Как известно, Петр I не любил придворных церемоний, но к концу его царствования двор стал внушительным учреждением. Составленный сразу после смерти императора в январе 1725 г. список насчитывал почти 500 человек всевозможных «служителей» (лакеев, гайдуков, «арапов», «карлов», музыкантов, поваров, «портомоек», рыболовов, пиво- и браговаров, мастеров-ремесленников, конюхов).²³⁴ Однако собственно придворных чинов было немного (порядка 30 человек), еще не сложилась их иерархия вместе с должностями обер-камергера, обер-егермейстера, обер-гофмаршала; к тому же придворные особой роли в управлении при Петре не играли.

После его смерти ситуация изменилась. Важнейшим по близости к императору становится пост обер-камергера. Меншиков сделал главой придворного персонала своего сына Александра; вслед за ним эту должность занял Иван Долгоруков. В декабре 1727 г. Петр II утвердил новый придворный штат; свой штат был у сестры императора, у цесаревны Елизаветы и племянниц Петра I царевен Прасковьи и Екатерины.²³⁵ Увеличились и расходы; согласно составленной в царствование Елизаветы ведомости, именно при Петре II они возросли почти на треть: в 1719 г. составляли 52094 рубля, в 1726 г. — 66788 рублей, а в 1728 г. — уже 90025 рублей.²³⁶

В списке придворных Петра II, за редкими исключениями (Остерман, Ягужинский, Сапега), были старинные фамилии: Долгоруковы, Голицыны, Лопухины, Стрешневы, хотя от близости к монарху были удалены ближайшие родственники, Нарышкины. Тогда же начинали придворную службу будущие участники «дворских бурь» — А.Б.Бутурлин, Н.Ю.Трубецкой, А.И. и П.И.Шуваловы, В.И.Суворов, Ф.И.Вадковский.

Но на реальную власть и влияние на царя претендовали лишь двое — те, кто вел Петра II под руки на коронацию в Успенский собор: гофмейстеры А.Г.Долгоруков и А.И.Остерман. Наблюдательный консул К.Рондо в мае 1729 г. докладывал о наметившемся «разделении труда» между ними: разработка внешней политики всецело принадлежит Остерману, а «назначения и отличия вполне ведаются Долгорукими».²³⁷

Князь Алексей появился в Верховном Тайном совете 4 раза в 1728 г. и 1 раз в 1729 г.; к нему обращались только для консультаций по вопросам царской охоты. В дела Совета он вмешивался в исключительных случаях: так, в ноябре 1728 г. он велел «умедлить» доклад на имя царя о назначении жалования родственнику-фельдмаршалу. Но зато старший Долгоруков не жалел сил и времени для устройства все новых развлечений, чтобы сохранить привязанность царя: продолжительные охотничьи экспедиции в подмосковных лесах как нельзя лучше соответствовали этому замыслу. Молодой гвардейский солдат Василий Нащокин отмечал в своих записках за 1727 г., что новые фавориты «так государя от всех удалили, что не всегда можно было его видеть», чем многие были недовольны.²³⁸

И.А.Долгоруков в качестве близкого друга царя получал новые вотчины и «подарки» в сумме 11 тысяч рублей, как можно судить на основании сохранившейся книги дворцовых расходов.²³⁹ В документах Верховного Тайного совета фаворит почти не упоминается; но о его влиянии говорит тот факт, что с декабря 1728 г. через его руки стали проходить доклады и приказы по гвардии; именно к нему обращался ее командующий В.В.Долгоруков (фельдмаршал — к капитану!) для решения вопроса о выдаче полкам задержанного «хлебного жалования».²⁴⁰ Политике и охоте в глуши князь Иван предпочитал развлечения и оказался совершенно непригодным к сколько-нибудь ответственной роли в управлении — как это и оценили иностранные дипломаты.²⁴¹

С другой стороны, отсутствие столкновений группировок внутри самого Верховного Тайного совета обеспечило в нем, по наблюдениям его историка, «плавное течение дел».²⁴² Не раз отмеченное в литературе сокращение количества заседаний Совета (по подсчетам Б.Л.Вяземского, в 1727 г. состоялось 164 заседания, в 1728 г. — 100, а в 1729 г. — 45), на наш взгляд, может объясняться не только «дезорганизацией» Совета, но как раз налаженной, наконец, работой подведомственных учреждений (коллегии и Сената, который только раз был пополнен — в 1728 г.) при отсутствии спорных вопросов, подобных «голштинской» проблеме или обсуждению финансового положения в 1726—1727 гг.

Опубликованные журналы и протоколы заседаний Верховного Тайного совета за 1728—1729 гг. показывают, что «верховники» регулярно заслушивали доклады трех «первейших» коллегий (Военной, Адмиралтейств-

и Иностранной), Главной дворцовой канцелярии, Сената, реляции по слов, рапорты главнокомандующих «Низовым корпусом» и Украинской армией. На смену спорам по внутри- и внешнеполитическим проблемам приходит рутинная работа: производство в чины и отставка, назначение губернаторов, вице-губернаторов и комендантов, рассмотрение состояния конюшенного ведомства. По нашим подсчетам по ПСЗ, за 27 месяцев царствования Екатерины I вышло 427 законодательных актов (15,8 в месяц), за 28 месяцев нахождения на троне Петра II — 438 актов (15,6 в месяц); т.е. интенсивность законотворчества не снижалась.

Ключевой фигурой нового правительственного механизма и посредником между возглавлявшимся семейством Долгоруковых двором и Верховным Тайным советом стал Остерман. Такая роль, по-видимому, наиболее отвечала как сложившейся придворной «конъюнктуре», так и личным качествам вице-канцлера, никогда не стремившегося, да и не способно быть лидером.

Остерман сумел сохранить свое влияние в Совете. От имени Петра он вносил туда предложения и вопросы для обсуждения, передавал челобитные и немногие именные указы царя и подавал ему доклады Совета. Иногда он позволял себе высказывать свое мнение (например, по поводу назначения губернатора в Архангельск), «приказывал» Совету навести справки в других учреждениях по тому или иному вопросу или не подписывать протокол до выяснения всех обстоятельств; он же определял круг дел, коими стоило или не стоило «утруждать» царя.²⁴³ Он же ведал драгоценностями сестры царя и орденскими знаками; в его архиве хранились и личные документы Петра II, и челобитные, поступавшие на царское имя.²⁴⁴ Состав придворного штата Петра также был подготовлен и подписан Остерманом.

Долгоруковых или Голицыных часто называли «национальной» партией в России. Но, хотя старшие из князей не жаловали иноземцев, никаких альтернативных программ — и тем более реставраторских планов — они не имели. Для них важнее было подчинить Петра II своему влиянию и оттеснить любых возможных соперников в борьбе за власть. С этой точки зрения им по-прежнему казался опасным Меншиков.²⁴⁵ Эти опасения заставили Долгоруковых и Остермана окончательно «добить» своего противника и отправить его без всякого суда в Березов на нижней Оби у самого Полярного круга.

Однако новые правители в точности повторяли тактику Меншикова в отношении возможных конкурентов. Никто из сосланных Меншиковым сторонников воцарения Петра не был возвращен, в том числе и участники «заговора» Девиера — Толстого (И.И.Бутурлин, А.И.Ушаков и другие). Попал в опалу и был удален от двора камер-юнкер Алексей Татищев и родственник царя Александр Нарышкин. Были пресечены попытки выйти «в случай» представителей семьи Голицыных: двор покинули фельдмаршал М.М.Голицын, его зять граф Александр Бутурлин и молодой камергер Сергей Голицын.²⁴⁶

Подозрения вызывала и дочь Петра I Елизавета, которая шокировала московское общество «весьма необычным поведением», по оценке Маньяна. Она сопровождала императора на охоту; он настолько сильно при-

вязался к веселой тетке, что это стало серьезно беспокоить двор и дипломатический корпус. Опасения членов Верховного Тайного совета тем более усилились, что после смерти сестры Петра Натальи Елизавета имела все шансы стать основной претенденткой на трон. Но ее любовные похождения в конце концов позволили Долгоруковым дискредитировать цесаревну в общественном мнении и отдалить от нее Петра.

Сохранившаяся переписка попавшей в немилость Аграфены Волконской позволяет ощутить царившую при дворе атмосферу постоянной вражды, заискивания и соперничества. Брат княгини А.П.Бестужев-Рюмин рассчитывал получить новый чин с помощью австрийского посла графа Рабутина и советовал сестре к нему «в любовь себя привести». Сама опальная дама выясняла, кто сейчас находится при дворе в «кредите» и с кем следует «искать дружбы». Член Военной коллегии Егор Пашков искренне радовался падению «прегордого Голиафа» Меншикова и описывал нравы придворных, которые «друг перед другом рвутца с великим повреждением» и «при дворе всякий всякого боитца».²⁴⁷

Донесения послов 1728–1729 г. открывают картину постоянных интриг и склок внутри «мишурного семейства» Долгоруковых в борьбе за царские милости. Сначала князь Алексей поссорился с Остерманом до того, что оба «покаялись погубить друг друга». Затем переругались уже отец и сын Долгоруковы; в сентябре 1728 г. Лефорт отмечал, что «семейство Долгоруковых состоит из трех партий, противных друг другу; барон Остерман сумел приобрести себе доверие всех и даже служить им в роде оракула».²⁴⁸

Затем с помощью фельдмаршала В.В.Долгорукова удалось примирить Остермана и князя Ивана — но это вызвало зависть отца. По сведениям испанского посланника, Алексей Долгоруков приложил все усилия, чтобы поссорить Петра II с князем Иваном и «провести» в фавориты другого своего отпрыска — Николая.²⁴⁹ С помощью царицы-бабушки Евдокии Лопухиной интриган хотел удалить от Петра и самого Остермана, но столкнулся с достойным противником и вынужден был уступить.

Благодаря таким отношениям в своем окружении Петр II получал прекрасные уроки лицемерия и искусства подлаживаться к обеим соперничавшим сторонам. «Нельзя не удивляться умению государя скрывать свои мысли; его искусство притворяться замечательно. На прошлой неделе он два раза ужинал у Остермана, над которым он в то же время насмеялся в компании Долгоруковых; перед Остерманом же он скрывал свои мысли: ему он говорил противоположное тому, в чем он уверял Долгоруковых», — удивлялся Лефорт зимой 1729 г. При наличии желанья и воли это соперничество помогло бы молодому царю постигнуть искусство управления людьми и утвердить себя как настоящего монарха — но этого желанья он как раз и не проявлял.

Сохранившиеся портреты не дают возможности сказать что-либо определенное о характере внука Петра Великого: на них в парадном облачении — латах, мантии, пудренном парике — изображен рослый светловолосый мальчик с милостивым, но не очень выразительным лицом. «Он высокого роста и очень полон для своего возраста, так как ему только 15 лет. Он бел, но очень загорел на охоте; черты лица его хороши, но взгляд

пасмурен, и, хотя он молод и красив, в нем нет ничего привлекательного или приятного», — таким увидела Петра год спустя жена английского консула Уорда. Но и другие часто видевшие Петра при дворе иностранцы утверждали, что он выглядел старше своих лет.

Подростку достались от отца и деда не только рост, но и взрывной темперамент, упорство в достижении своих желаний: свите он доставлял немало хлопот. Уже в октябре 1727 г. Лефорт на основании известного опыта писал: «Царь наследовал направление своего деда, упорный в своих планах, не любя возражений, хотя и советуется, но делает все, что хочет».²⁵⁰ Уйдя из-под опеки Меншикова, Петр не очень стеснялся в выражении своих чувств. Он мог отказать в аудиенции заслуженному фельдмаршалу М.М.Голицыну, нагругить прямо на ассамблею своему наставнику Остерману, а разговору с австрийским послом предпочесть общение с конюхами.²⁵¹ Во дворце, в атмосфере придворного этикета ему было тяжело.

В 11 лет он стал законным и всеми признанным главой государства, с которым, в отличие от России 1682 г., вынуждена была считаться вся Европа; в его распоряжении имелись талантливые министры и генералы, а учителями были выдающийся дипломат Остерман и профессора Академии наук.

Академик Георг Бильфингер, в чьи обязанности входило преподавать Петру «историю нынешнюю и политику моральную», составил «Расположение учения его императорского величества Петра Второго...» (СПб., 1728).²⁵² В этой книге юному монарху рекомендуется изучение французского и немецкого языков, латыни, «статской истории», «общей политики» и военного искусства. Особый упор был сделан на историю и «нынешнее всех государств состояние»: предполагалось, что на поучительных примерах прошлого и точных сведениях о государственном устройстве, армии, законах и политике европейских держав Петр «свое государство, оною силу, потребность и способы как в зеркале увидит и о всем сам основательно рассуждать возможет». Бильфингер полагал необходимым «особенно тшаться, чтоб его величество жития и дел Петра I и всех приключений его владения довольное и подлинное известие имел».

Руководство по «христианскому закону» написал для царя Феофан Прокопович; академики Я.Герман и Ж.Делиль составили и издали «Сокращение математическое ко употреблению его величества императора всея России» (СПб., 1728–1730. Ч.1–3). Отец «норманской теории» Готлиб Байер сочинил для Петра учебник античной истории от сотворения мира до падения Рима. На освоение всей программы Бильфингер отводил два года, если заниматься по 15 часов в неделю. Однако даже по облегченной программе Петру учиться не пришлось, да и сам он явно предпочитал иные занятия, — так что новый австрийский посол граф Вратислав был очень рад, когда император в конце 1729 г. смог наконец произнести несколько слов на немецком языке.

Подводя итоги первому году правления Петра, Лефорт писал, что «молодость царя проходит в пустяках; каждый день он участвует в Измайлове в детских играх, ... он не заботится о том, чтобы быть человеком поло-

жительным, как будто ему и не нужно царствовать. Остерман употреблял всевозможные средства, чтобы принудить его работать, хотя бы в продолжение нескольких часов, но это ему никогда не удавалось». ²⁵³

Но ближайшее окружение Петра как раз меньше всего было заинтересовано в его серьезном воспитании; Остерман же был слишком осторожен, чтобы этого требовать. Вместе с тем постоянная лесть и угодливость окружающих успела внушить Петру сознание его превосходства. «Прежде можно было противодействовать всему этому, теперь же нельзя и думать об этом, потому что государь знает свою неограниченную власть и не желает исправиться», — оценивал Лефорт в 1728 г. перспективы российской политики. Почти дословно повторял эту оценку в докладе своему двору его австрийский коллега. ²⁵⁴

Созданный дедом механизм абсолютной власти оказался не по плечу маленькому Петру II. Рядом с ним не было никакого утвержденного правом или традицией учреждения, способного сдерживать проявления неограниченной власти в руках мальчика. Зато за неполных два года порядок верховного управления менялся по крайней мере три раза: с образованием Верховного Тайного совета и изменениями в его составе и прав в мае, а затем и в сентябре того же 1727 г. Завещание Екатерины I так и не было объявлено «во всенародное известие», и присяга по-прежнему приносилась самому императору и тому наследнику, кого он соизволит «определить». В ряду обладавших правом на престол в 1728 г. появился новый претендент — родившийся в голштинском Киле другой внук Петра Великого, сын Анны Петровны и герцога Голштинского Карл-Петр-Ульрих; но его имя не включили в поминание членов царской фамилии.

Все качества юного царя с самого начала стали эксплуатироваться в ходе придворных интриг, и из этого замкнутого круга юноше не суждено было выйти до самого конца его жизни. Столкновения личных, фамильных и политических интересов окружавших его людей не оставляли места для сколько-нибудь систематического образования и воспитания: соперничавшие группировки стремились «вырвать» Петра друг у друга, а для этого надо было держать его при себе, доставлять ему всевозможные удовольствия, удалять от серьезных занятий. У Петра, в отличие от деда, не было круга надежных друзей, выросших вместе с ним (кроме, пожалуй, сестры Натальи); едва ли часто видел он и своих учителей. Их заменили фавориты.

Титулы, чины, «деревни» — все это заставляло стремиться к единственному источнику этих благ и любой ценой искать его милости. Не случайно немногие сохранившиеся именные указы Петра II (как правило, они передавались в Верховный Тайный совет через Остермана или Долгоруковых) — это распоряжения о пожалованиях в чины или выдаче денег и «деревень». Вновь к царю (а на деле — к Остерману) стали стекаться челобитные: и гвардейские офицеры Ф.Полонский, П.Мельгунов, П.Колокольцов, А.Танеев и подпоручик П.Ханыков просили теперь уже дворы «бывшего Меншикова»; семеновский капитан У.Шишкин указывал в своей челобитной, в какой именно канцелярии находятся сейчас 2420 рублей и в каких уездах имеются отписные 28 дворов, из которых его следует наградить за «беспорочную» службу. ²⁵⁵

Новая волна раздач, по расчетам Е.И.Индовой, как раз приходится на 1728—1729 гг.: Петр дарил села своим родственникам Лопухиным (740 дворов), 1800 дворов получил генерал Матюшкин, 1000 — майор гвардии Г.Д.Юсупов, более 600 душ — капитан-поручик П.Колокольцов. Достались пожалования и канцлеру Г.И.Головкину (220 дворов), и генералу В.Я.Левашову (200 дворов), и, конечно, приближенным придворным: Долгоруковым, «метр-де-гардероб» Петру Бему, интенданту П.Мошкову, гофмаршалу Д.Шепелеву, камер-юнкеру Ф.М.Каменскому. ²⁵⁶

Этот список можно дополнить на основании не учтенной Е.И.Индовой «Выписки о раздаче деревень с 1726 по 1730 г.» из бумага Остермана. Согласно этой справке, наибольшие пожалования были сделаны любимой тетке царя Елизавете (9382 двора, или 35 тысяч душ); более скромные награды предназначались офицерам гвардии — поручику И.Любимову, капитанам А.Танееву и Ф.Полонскому. ²⁵⁷ Перестановки на «верху» вызвали не только милости, но и новые проблемы в виде передела собственности: возвращение ко двору опальных (Лопухиных, В.В.Долгорукова) вызывало и дело о возвращении их имений, уже, как правило, розданных другим лицам, которые в свою очередь подавали прошения о компенсации утраченного. ²⁵⁸

Большие надежды окружение Петра II и иностранные дворы связывали с будущей женитьбой императора. В числе возможных претенденток назывались прусская и австрийская принцессы, дочери герцогов Мекленбургского и Бевернского. Но у Долгоруковых были свои планы, и уже в конце 1727 г. французский посланник Маньян предупреждал о возможных попытках новых фаворитов выдать замуж за царя «одну из девиц из их рода». ²⁵⁹ Дочери А.Г.Долгорукова были непременно участниками путешествий императора, который к тому же подолгу гостил в подмосковной усадьбе Долгоруковых Горенках. Здесь во время своего последнего путешествия четырнадцатилетний Петр II осенью 1729 г. попросил руки Екатерины Долгоруковой.

Помолвка императора с большой торжественностью произошла 30 ноября 1729 г. В Москве устраивались балы и фейерверки; начались приготовления к царской свадьбе, назначенной на 19 января. В столицу съезжались гости. Екатерину Долгорукову, как и ее предшественницу, указано было поминать при богослужении; ²⁶⁰ Иван Долгоруков по образцу Меншикова получил титул князя Римской империи и в январе 1730 г. стал майором гвардии.

Новый 1730 год начался с сообщений европейских газет об обострении борьбы политических группировок в России, недовольстве русских усилением Долгоруковых и даже о возникновении «тайных заговоров». ²⁶¹ Об этом же докладывали и послы, как это сделал Бестужев-Рюмин из Дании: «Из Москвы гласится коим образом россияне весьма недовольны, что дом Долгоруких так возвышен, и начинают многие умыслы чинить». ²⁶² С уверенностью утверждать это невозможно; но характерно, что церемония обручения проходила под охраной батальона преображенцев под командованием брата невесты.

Заинтересованные лица видели за праздничными приготовлениями новый тур борьбы за власть, складывавшийся не вполне благоприятно для

Долгоруковых. Среди недовольных, по-видимому, был и сам Петр: наблюдатели отмечали его холодность к невесте и высказывания о своих новых родственниках как о «двуногих собаках». Царь тайно посетил Елизавету, несколько раз по ночам скрытно встречался с Остерманом, который дал понять, что он против такого брака.²⁶³ Вдруг «заболел» Остерман: с 3 ноября он не появлялся на заседаниях Верховного Тайного совета вплоть до самой смерти императора. Впервые Петр II отказался от охоты, собирался раздать желающим всех своих собак и даже стал прилежно заниматься. Герцогу де Лириа в эти дни казалось, что «в воздухе собиралась гроза».²⁶⁴

Шестого января, на Крещение, Петр II подписал последний в своей жизни указ об обмене московского двора графа Саввы Рагузинского на 800 дворов в Комарицкой волости Севского уезда и на параде «перед Преображенским полком в строевом убранстве изволил идти в полковничьем месте». В этот же день его видели в саних вместе с невестой, отправлявшимся на водоосвящение, где он долго пробыл на льду реки среди войск.²⁶⁵

Современники единодушно утверждали, что уже вечером того же дня Петр заболел оспой, от которой совсем недавно умерли австрийский император Иосиф I и испанский король Луис. Но англичанин Рондо узнал об этом только 12-го, а Лефорт — 13-го числа, когда появилось официальное сообщение о болезни императора, которая уже якобы не представляла опасности для его здоровья. В таком духе и составляли дипломаты донесения своим дворам. Но затем внезапно последовало сообщение о смерти Петра в ночь с 18 на 19 января.

Отразившаяся в народных песнях судьба мальчика-императора была печальной:

*«Ах ты, дедушка родимый!
 Меня ты покидаешь,
 Кому царство оставляешь!
 Мне ли царство содержать!
 Господа ныне большие
 Изведут меня в минуту»...²⁶⁶*

Но в глазах простых людей рано умерший император навсегда остался «добрым царем», и его имя стало использоваться в борьбе с крепостническим порядком. Начиная с 1732 г. в России стали появляться самозванные «Петры II» — однодворец Прокофий Якличев, конногвардейский капрал Алексей Данилов и другие; последним из них был беглый рекрут Иван Евдокимов, объявивший себя императором в 1765 г.²⁶⁷ Впоследствии появились и самозванные «дети» Петра II.²⁶⁸

Но уже при жизни Петра в 1728–1729 г. Верховному Тайному совету пришлось публично опровергать профессионально составленные «воровские указы» Петра II о разрешении «всяких чинов людям» переселяться на Царицынскую линию и отмене подушной подати по поводу смерти царской сестры Натальи. В дальнейшем от имени покойного императора не раз распространялись милостивые указы, обещавшие крепостным свободу без «выдачи» помещикам.²⁶⁹

Любой неожиданный поворот событий и отсутствие достоверной информации заставляли современников сомневаться в официальной трак-

товке событий. Лефорт уже 20 января представлял две версии случившегося. Согласно первой, смерть ускорило «худосочие» императора вследствие изнурительных охотничьих экспедиций; по другой — врачи во главе с президентом Академии наук Л. Блюментростом вовремя не распознали болезнь и лечили не оспу, а лихорадку.²⁷⁰ Помимо этого, существовало и мнение, что выздоравливавший Петр II сам открыл окно и застудился.

Остерман еще в августе 1728 г. жаловался Миниху, что «образ жизни, который принуждают вести молодого государя, очень скоро приведет его к могиле».²⁷¹ Обязательно оповещали свои дворы о любом недомогании императора австрийский и испанский послы; в их сообщениях можно найти указания на усталость и болезненный вид Петра II зимой 1729–1730 г.

С другой стороны, накануне событий Петр был здоров и даже ездил за город на два дня. Возможно, Петра хотели удержать дома, но он все-таки смог вырваться от своих новых «родственников» и простудился во время катания. Неизвестно, каким образом и от чего его лечили. Во всяком случае эта смерть была неожиданной и сразу нарушила хрупкую стабильность в «верхах».

Алексей и Сергей Григорьевичи Долгоруковы еще 15 января стали выдвигать требования о передаче короны невесте царя Екатерине. Их претензии поддерживал датский посол Вестфален, ободравший отца невесты: «Понеже его величества обрученная невеста фамилии вашей, то и можно удержать престол за ней, так как после кончины Петра Великого две знатные персоны, а именно Меншиков и Толстой, государыню императрицу удержали; что и по вашей знатной фамилии учинить можно».²⁷²

Долгоруковы срочно выслали из Москвы голштинского посла, заикнувшегося было о правах Анны Петровны, и 17 января составили подложное завещание императора, согласно которому «якобы при смерти своей Петр II признавал, что имел сообщение с княжною Екатериною Алексеевною и оставлял ее беременну, и сего ради сказывал свое желание возвести ее на престол». По-видимому, Долгоруковы намеренно в качестве аргумента распространяли известие о беременности Екатерины; и эта версия сохранилась в их родовых преданиях.²⁷³ Отец невесты был готов даже обвенчать умиравшего.

Попытки ослабленного раздорами клана (фельдмаршал В.В. Долгоруков выступил против любых планов захвата престола) были легко пресечены Остерманом, безотлучно находившимся у постели Петра II. Мемуары Манштейна сохранили известия о том, что сразу после смерти Петра Иван Долгоруков пытался провозгласить сестру императрицей и увлечь за собой гвардейские караулы. Но за вчерашним фаворитом (и майором гвардии) никто не пошел; попытка переворота окончилась, не успев начаться.²⁷⁴

Если считать эту историю достоверной, то она показала, что «переворотные» настроения (чем Екатерина Долгорукова — при условии венчания — была хуже возведенной с помощью гвардейских солдат Екатерины I?) в придворном кругу стали уже привычным явлением. Со смертью мальчика-императора Долгоруковы неизбежно теряли свое исключительное положение.

Короткое царствование Петра II создало весьма неустойчивую систему, сохранявшую определенный баланс только благодаря фактическому отсутствию императора и разделению «властей» в лице придворных-фаворитов и Верховного Тайного совета; в последнем, в свою очередь, уравновешивали друг друга два влиятельных клана. Неожиданная смерть монарха неизбежно выводила эту систему из равновесия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Имеется 8 версий происхождения императрицы; и только по одной из них она — лифляндская уроженка литовского происхождения Марта Скавронская (См.: *Белозерская Н.А.* Происхождение Екатерины I // ИВ. 1902. № 1. С.60–66; *Михневич В.О.* Семейство Скавронских // Там же. 1885. № 2. С.253–256; № 3. С.545; О происхождении императрицы Екатерины I // ДИИР. 1879. № 1. С.56–90). Неясности в биографии императрицы порой ставили власти в неловкое положение. Так, в «Календаре» на 1726 г. пришлось извиняться за то, что в издании на 1725 г. возраст Екатерины определили в 41 год, тогда как в нынешнем указали верно — 38 лет (см.: Календарь или месяцослов на лето от рожества господа нашего Иисуса Христа 1726. СПб., 1726).

² Исторические песни XVIII в. Л., 1971. С.158.

³ Императрица закупала вина и водку; приобретала заморские колбасы или «чекулад» с прибывших кораблей; приказывала наловить и доставить в Петербург «про государев обиход две тысячи раков больших» или астраханских арбузов и свежего винограда (см.: Высочайшие повеления по придворному ведомству, 1723–1730. СПб., 1886. С.9, 12, 22–23; Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. М., 1872. Т.2. С.155–173).

⁴ См.: РГАДА. Ф.9. Оп.4. № 76.

⁵ Там же. Ф.375. Оп.1. № 47. Л.25–26; РГВИА. Ф.2584. Оп.1. № 53. Л.213.

⁶ Например: «Господа майоры лейб-гвардии и княгиня Голицына кушали английское пиво большим кубком, а княжне Голицыной поднесли другой кубок, в которой ее величество изволила положить 10 червонных» (*Есипов Г.В.* Князь-игуменья // РС. 1870. № 6. С.402).

⁷ Походный журнал 1726 г. СПб., 1855. С.2. и далее.

⁸ См.: РГАДА. Ф.342. Оп.1 № 10. Ч.1. Л.41 об.-42 об. Верховный Тайный совет в феврале 1727 г. еще раз вернулся к этому вопросу и потребовал, чтобы Уложение «всеконечно немедленно окончано было» (Там же. № 10. Ч.2. Л.80), после чего документация по работе комиссии прекратилась до царствования Анны Иоанновны.

⁹ См.: *Петров П.Н.* История Санкт-Петербурга с основания города до введения в действие выборного городского управления по учреждениям о губерниях, 1703–1782. СПб., 1889. С.229; Сб. РИО. Т.58. С.8.

¹⁰ См.: АВПРИ. Ф.93. Оп.93/1. 1725 г. № 5. Ч.1. Л.150 об.

¹¹ Сб. РИО. Т.52. С.444.

¹² См.: РГАДА. Ф.9. Оп.5. №18. Л.18.

¹³ См.: ПСПРВПИ. СПб., 1881. Т.5. С.2. По сообщению прусского посла Мардефельда, даже упоминание о правах Петра расценивалось как государственное преступление (см.: Сб. РИО. Т.15. С.273).

¹⁴ Бутурлин разъяснял, что выдача полагается только «налишным чинам», а не всему списочному составу; разница по одному Семеновскому полку составила 5 500 рублей (см.: РГВИА. Ф.2584. Оп.1. № 53. Л.135–135 об.).

¹⁵ См.: *Дирин П.Н.* История лейб-гвардии Семеновского полка. СПб., 1883. Т.1. С.185.

¹⁶ См.: РГАДА. Ф.9. Оп.5 № 2. Ч.26. Л.48 об.-49.

¹⁷ См.: Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в Санкт-Петербургском Сенатском архиве за XVIII век. СПб., 1875. Т.2. С.6–7,9. Ср.: РГАДА. Ф.9. Оп.5. № 2. Ч.26. Л.63,135; № 33. Л.90,106–108; РГВИА. Ф.2584. Оп.1. № 53. Л.304–304 об. В феврале 1727 г. целую дворцовую волость получил капитан П.Чичерин (см.: Высочайшие повеления по придворному ведомству. С.30).

¹⁸ См.: Походный журнал 1726 г. С.1–2,4,7–8,11–12,15,17,24,24,30–31,33–34,36–37.

¹⁹ См.: Империя после Петра, 1725–1765/Яков Шаховской. Василий Нащокин. Иван Неплюев. М., 1998. С.237.

²⁰ РГАДА. Ф.7. Оп.1. № 5. Ч.1. Л.310 об.-311,317,320 об.

²¹ Приказ по полкам от 9 февраля призывал солдат воздерживаться «от пьянства и других непотребных забав». В мае 1725 г. раскрыто было дело о крупном хищении в Петербургской крепости. Следствие во главе с Меншиковым установило: профос Семеновского полка Петр Аверкиев и его друзья, усмотрев, что «лежит казна плохо», украли 2434 рубля, которые тут же «растеряли и по кабакам пропили», за что были повешены. В ноябре 1726 г. был расстрелян пушкарь бомбардирской роты Преображенского полка Федор Бушуев, посмеявшийся на карауле во дворце в четвертый

раз — напиться так, «что стоять на часах не мог» (РГАДА. Ф.20. Оп.1. № 53. Л.1–7; РГВИА. Ф.8. Оп.1/89. № 186. 1–4 об.).

²² См.: Сб. РИО. Т.64. С.272–273,288.

²³ См.: РГВИА. Ф.2584. Оп.1. № 56. Л.15–22 об.; № 19. Л.76.

²⁴ В 1726 г. флотский лейтенант Иван Дириков получил в Кронштадте уверения в том, что он — настоящий сын Петра I (который якобы «будучи в Сенате подписал протокол, что по кончине его величества быть наследником ему, Ивану»), и через несколько лет заявил о своих правах (см.: *Покровский Н.Н.* Самозванный сын Петра I // ВИ. 1983. № 4. С.187).

²⁵ РГАДА. Ф.16. Оп.1. № 30. Л.61,69; Ф.14. Оп.1. № 47. Ч.1. Л.6 об. О Цейленбурге см.: Сб. РИО. Т.69. С.339,528–529. О деле Анцифорова см.: РГАДА. Ф.7. Оп.1. № 219. Л.1.

²⁶ ПСПРВПИ. Т.5. С.77.

²⁷ Там же. С.13.

²⁸ См.: *Брикнер А.Г.* Россия и Дания при императрице Екатерине I // РМ. 1895. № 2. С.59; *Некрасов Г.А.* Роль России в европейской международной политике, 1725–1739 гг. М., 1976. С.49; Опись высочайшим указам и повелениям... 1875. Т.1. С.24.

²⁹ Дела о комплектовании роты и списки кавалергардов см.: РГАДА. Ф.198. Оп.1. № 240. Л.1–24; РГВИА. Ф.33. Оп.1. № 538. Л.2–21.

³⁰ ПСЗ. Т.VII. № 5004.

³¹ Новые материалы для истории царствования Екатерины I // РА. 1864. № 2. С.161–163,182,205.

³² См.: Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего правительствующего Синода. СПб., 1897. Т.5. С.XI–587; ПСПРВПИ. Т.5. С.80–81; *Соловьев С.М.* Соч. В 18-ти кн. М., 1991. Кн.IX. С.583.

³³ См.: *Молева Н.* Архивное дело №... М., 1980. С.103–119.

³⁴ См.: АВПРИ. Ф.13. Оп.13/1. 1725 г. № 1. Л.2.

³⁵ Сб. РИО. Т.58. С.53.

³⁶ См.: Там же. С.247,333,348; Т.3. С.409.

³⁷ См.: *Ключевский В.О.* Соч. В 9-ти т. М., 1989. Т.4. С.251; *Миллюков П.Н.* Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905. С.505; *Вяземский Б.Л.* Верховный Тайный Совет. СПб., 1909. С.25. В настоящее время точку зрения Миллюкова разделяет Я.А.Гордин (см.: *Гордин Я.А.* Меж рабством и свободой: 19 января — 25 февраля 1730 г. СПб., 1994. С.101).

³⁸ См.: *Филиппов А.Н.* Правительствующая олигархия после Петра Великого // РМ. 1894. № 8. С.6–7.; *он же.* К вопросу о Верховном Тайном совете // Там же. 1896. № 7. С.120; *Щеглов В.Г.* Государственный Совет в России в особенности в царствование Александра I. Ярославль, 1892. Т.1. С.545.

³⁹ См.: *Алексеев А.С.* Легенда об олигархических тенденциях Верховного Тайного совета в царствование Екатерины I. М., 1896. С.58.

⁴⁰ См.: *Анисимов Е.В.* Внутренняя политика Верховного Тайного совета (1726–1730 гг.). Автореферат дисс. канд. ист. наук. Л., 1975. С.11; *Наумов В.П.* Императорские советы в России XVIII века (причины возникновения, компетенция и типология) // Российская государственность: опыт и перспективы изучения: Чтения памяти Т.П.Коржиной. М., 1995. С.14; *Шанский Д.Н.* К характеристике высших государственных учреждений России XVIII в. (20–60-е гг.) // Государственные учреждения России XVI–XVIII вв. М., 1991. С.121–122.

⁴¹ См.: Сб. РИО. Т.64. С.199. Ср.: Там же. Т.58. С.238,256.

⁴² Сб. РИО. Т.55. С.94,96–97.

⁴³ Цит. по: *Соловьев С.М.* Соч. Кн.IX. С.559 (Указ от 1 января 1727 г.).

⁴⁴ См.: ПСЗ. Т.VI. № 3518; *Анисимов Е.В.* Причины образования Верховного Тайного совета (1726–1730 гг.) // Социально-политическая история СССР. М.-Л., 1974. Вып.1. С.173–174.

⁴⁵ В марте-сентябре 1726 г. членами Военной коллегии стали генералы Гохмут, Гиссен и ближайший сотрудник самого князя А.Волков (см.: РГВИА. Ф.20. Оп.1/47. № 18).

⁴⁶ Указ о прекращении и «уничтожении» следственного дела Меншикова состоялся 8 декабря 1725 г. (см.: РГАДА. Ф.9. Оп.5. № 18. Л.69 об.).

⁴⁷ См.: ПСЗ. Т.VII. № 4673, 4655, 4767, 4650, 4648, 4654, 4711, 4833. Кроме того, сенатским указом 28 июня 1725 г. было предписано начатые до 1721 г. «дела по фискальским и доносительным доношениям отставить» (указ не вошел в ПСЗ. См.: РГАДА. Ф.266. Оп.1. № 18. Л.81).

⁴⁸ См.: ПСЗ. Т. VII. № 4698.

⁴⁹ См.: Там же. № 4753.

⁵⁰ АВПРИ. Ф.32. Оп.32/1. 1725. № 5. Л.67,76,89 об.

⁵¹ Там же. Ф.53. Оп.53/1. 1725. № 2. Л.80.

⁵² См.: *Никифоров Л.А.* Основные задачи внешней политики России после Ништадтского мира // Международные отношения и внешняя политика России: история и современность. М., 1977. С.203. Карл-Фридрих был сыном старшей сестры Карла XII, и в 1713 г. его владение Шлезвиг было захвачено Данией в качестве наказания за нарушение нейтралитета и пропуск по территории герцогства шведских войск.

⁵³ См.: Сб. РИО. Т.58. С.72,326.

⁵⁴ См.: АВПРИ. Ф.53. Оп.53/1. 1725. № 6. Л.12 об.-13; Материалы для истории русского флота. СПб., 1875. Т.5. С.44. Рапорты генерал-адмирала Апраксина сообщали о неумении экипажей на маневрах сохранять строй и точно выполнять команды (см.: Там же. С.34, 37, 46).

⁵⁵ См.: Сб. РИО. Т.55. С.6-21.

⁵⁶ АВПРИ. Ф.77. Оп.77/1. 1725 г. № 16. Л.2-3,24 об.

⁵⁷ См.: РГВИА. Ф.20. Оп.2. №21. Л.6-6 об.

⁵⁸ См.: Материалы для истории русского флота. Т.5. С. 192,194-195,322.

⁵⁹ См.: Там же. С.327.

⁶⁰ См.: Брикнер А.Г. Россия и Дания при императрице Екатерине I // РМ. 1895. № 3. С.51.

⁶¹ См.: Некрасов Г.А. Указ. соч. С.56-57.

⁶² См.: Павленко Н.И. А.Д.Меншиков. М., 1981. С.133; *он же*. Полудержавный властелин. М., 1988. С.275. Екатерина 15 июля 1726 г. категорически выступила против авантюры князя, которая могла бы «озлобить Речь Посполитую» (см.: РГАДА. Ф.9. Оп.5. № 2. Ч.26. Л.94).

⁶³ См.: Брикнер А.Г. Императрица Екатерина I, 1725—1727 // ВЕ. 1894. № 1. С.143.

⁶⁴ См.: Сб. РИО. Т.55. С.491; Т.64. С.410.

⁶⁵ Перед этим, 3 августа, Верховный Тайный совет принял решение об ответственности президентов и казначеев коллегий за выдачу денег без приказа всех членов Совета (см.: Сб. РИО. Т.64. С.388).

⁶⁶ См.: Арсеньев К.И. Царствование Екатерины I. СПб., 1856. С.58; *Вейдемейер А.В.* Обзор главнейших происшествий в России с кончины Петра Великого до вступления на престол Елизаветы Петровны. СПб., 1848. Ч.1. С.35; *Долгоруков П.В.* А.И.Остерман. Б.м., 1841. С.26; *Павленко Н.И.* А.Д. Меншиков. С.133-134; *Перевороты и войны /Христофор Манштейн. Бурхард Миних. Эрнст Миних. Неизвестный автор. М., 1997. С.13.*

⁶⁷ См.: Повседневные записки делам князя А.Д.Меншикова 1716—1720, 1726—1727 гг. // Российский архив (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XIX вв.). М., 2000. Вып.Х. С.433.

⁶⁸ Сб. РИО. Т.56. С.12,27.

⁶⁹ См.: АВПРИ. Ф.32. Оп.32/1. 1725 г. № 5. Л.70 об.,75,79. Официальная грамота Екатерины I о вступлении ее на престол с полным титулом так и не была вручена и осталась в делах посольства (см.: Там же. Ф.32. Оп.32/1. 1725. № 10. Л.24).

⁷⁰ В 1725 г. Б.И.Куракин вел переговоры о союзе с Францией в Париже, а русский посол в Вене Ланчинский — с австрийскими министрами, при этом глава французской дипломатии граф Морвиль об этих переговорах знал. В свою очередь, австрийская сторона, по сведениям Ланчинского, вела свои переговоры с Англией и Францией, не ставя о них в известность Россию (см.: АВПРИ. Ф.93. Оп.93/1. 1725 г. № 5. Ч.2. Л.403 об.-404; Оп.32/1. 1725 г. №5. Л.20 об). К сожалению, эта проблема не нашла отражения в последних работах по истории внешней политики России (ср.: *Черкасов П.П.* Двуглавый орел и королевские лилии: Становление русско-французских отношений в XVIII в. 1700—1775. М., 1995. С.23-24; *История внешней политики России. XVIII век (от Северной войны до войн России против Наполеона).* М., 1998. С.62-66).

⁷¹ См.: АВПРИ. Ф.93. Оп.93/1. 1725. № 5. Ч.2. Л.402-406 (реляция Б.И.Куракина от 29 октября 1725 г.).

⁷² Там же. Ф.32. Оп.32/1. 1725 г. № 10. Л.93,131.

⁷³ Оценки договора см.: *Герье В.И.* Борьба за польский престол в 1733 г. М., 1862. С.46; *Маркова О.П.* Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII в. М., 1966. С.42-43. Уже в феврале 1727 г. Испания начала короткую и неудачную войну против Англии с целью возвращения Гибралтара. Весной того же года представители Англии и Франции уже планировали военную кампанию против австро-испанского блока (см.: *Wilson A.* French Foreign Policy During the Administration of Cardinal Fleury, 1726—1743. Lnd., 1936. P.158.); австрийцы, в свою очередь, рассчитывали на помощь русских войск.

⁷⁴ Сб. РИО. Т.55. С.377-378; Т.56. С.325.

⁷⁵ См.: ПСЗ. Т.VII. № 4897.

⁷⁶ См.: Записка П.И.Ягужинского о состоянии России // ЧОИДР. 1860. Кн.4. С.270-273 отд. паг.; Записку Меншикова, Остермана, Макарова и А.Волкова см.: 200-летие Кабинета его императорского величества, 1704—1904. СПб., 1911. С.45-58. Записки Карла-Фридриха, П.А.Толстого, Г.И.Головкина, Д.М.Голицына, Ф.М.Апраксина см.: РГАДА. Ф.9. Оп.1. № 33. 172-200 об. Об отдельной записке Остермана см.: *Анисимов Е.В.* Податная реформа Петра I: Введение подушной подати в России, 1719—1728 гг. Л., 1982. С.262-285.

⁷⁷ См.: Там же. С.260-285; *Павлов-Сильванский Н.П.* Мнения верховников о реформах Петра Великого // *Павлов-Сильванский Н.П.* Соч. В 2-х т. СПб., 1910. Т.2. С.373-401; *Троицкий С.М.* Финансовая политика российского абсолютизма в XVIII в. М., 1966. С.38-44.

⁷⁸ Это делал, например, Н.П.Павлов-Сильванский (см.: *Павлов-Сильванский Н.П.* Мнения верховников о реформах Петра Великого. С.378).

⁷⁹ См.: *Милюков П.Н.* Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия. С.672; *Богословский М.М.* Областная реформа Петра Великого. Провинция 1719—1727 гг. М., 1902. С.461.

⁸⁰ См.: *Анисимов Е.В.* Податная реформа Петра I. С.266; Ведомость Камер-коллегии от 26 декабря 1726 г. см.: РГАДА. Ф.273. Оп.9. № 33149. Л.44.

⁸¹ См.: Сб. РИО. Т.56. С.297.

⁸² См.: *Кириллов И.К.* Цветущее состояние Всероссийского государства. М., 1977. С.339.

⁸³ См.: РГВИА. Ф.23. Оп.1/121. № 825. Л.4.

⁸⁴ См.: *Анисимов Е.В.* Податная реформа Петра I. С.264.

⁸⁵ См.: *Юхт А.И.* Реч. на: Анисимов Е.В. Податная реформа Петра I: Введение подушной подати в России, 1719—1728 гг. Л., 1982 // ВИ. 1984. № 9. С.128; *Покровский Н.Н.* Реч. на: Анисимов Е.В. Податная реформа Петра I: Введение подушной подати в России, 1719—1728 гг. Л., 1982 // ИСССР. 1985. № 2. С.194.

⁸⁶ См.: *Троицкий С.М.* Финансовая политика российского абсолютизма в XVIII в. С.127. По мнению авторов обобщающего труда по истории российского крестьянства, увеличение налогового обложения в расчете на одну душу составило 40 % (см.: *История крестьянства России с древнейших времен до 1917 г. М., 1993. Т.3. С.168.*)

⁸⁷ См.: РГАДА. Ф.9. Оп.4. № 74. Л.640-642,705 об.

⁸⁸ См.: *Нелипович С.Г.* Позиция Б.Х. фон Мюнниха в дискуссии 1725 г. о сокращении армии и военного бюджета России // Военно-исторический журнал. 1990. № 8. С.4-5; *Прокопович М.Н.* О содержании в нынешнее мирное время армии и как оброчных крестьян в лучшее содержание привести // ЧОИДР. 1897. Кн.2. С.29-52 отд. паг.; *Троицкий С.М.* Финансовая политика российского абсолютизма в XVIII в. С.130-131.

⁸⁹ См.: *Павлов-Сильванский Н.П.* Суд над реформой Петра Великого в Верховном Тайном совете // О минувшем. СПб., 1909. С.7-9; *Прокопович М.Н.* Указ. соч. С.34-37.

⁹⁰ См.: *Пекарский П.П.* Исторические бумаги, собранные К.И.Арсеньевым. // Сб. ОРЯС. СПб., 1872. Т.9. С.86-97; Ср.: РГАДА. Ф.16. Оп.1. № 77. Л.1-11 об.

⁹¹ ПСЗ. Т.VII. № 5017.

⁹² См.: Там же. № 5016, 5033.

⁹³ См.: *Юхт А.И.* Русские деньги от Петра Великого до Александра I. М., 1994. С.43,57.

⁹⁴ См.: *Барсов Т.В.* Святейший Синод в его прошлом. СПб., 1896. С.266-267.

⁹⁵ См.: *Брикнер А.Г.* Россия и Дания при императрице Екатерине I // РМ. 1895. № 3. С.42,45; № 7. С.112,113.

⁹⁶ См.: РГВИА. Ф.20. Оп.1/47. № 18. Л.159; РГАДА. Ф.7. Оп.1. № 216. Л.2-8.

⁹⁷ Еще одно письмо было подброшено на двор ассессора Московского надворного суда П.М.Толстого, угрожавшее «плуту» судье и его дяде П.А.Толстому: «Шаревичева вам смерть з дядею и са всем родом отомстица!» (см.: РГАДА. Ф.7. Оп.1. № 199. Л.5 об.,8).

⁹⁸ См.: ПСЗ. Т.VII. № 4870

⁹⁹ См.: ПСПРВПИ. Т.5. С.379-383.

¹⁰⁰ См.: АВПРИ. Ф.11. Оп.11/1. 1727 г. № 139. Л.64 об.,73 об.,78,83 об.,87.

¹⁰¹ Сведения о таком проекте уже были известны дипломатам (см.: Из Ольденбургского великогерцогского архива // РА. 1904. № 3. С.375-376; Сб. РИО. Т.64. С.451-458).

¹⁰² См.: *Kirchner W.* The Death of Catherine I of Russia // *American Historical Review.* 1946. № 51. P.257-259.

¹⁰³ См.: *Брикнер А.Г.* Россия и Дания при императрице Екатерине I // РМ. 1895. №3. С.42,45; №7. С.112,113. По свидетельству М.М.Щербатова, «цесарский двор прислал 40 тысяч рублей в подарок госпоже Крамер, камер-фрау императрицы Екатерины Алексеевны, дабы она ее склонила именовать по себе наследником князя Петра Алексеевича» («О повреждении нравов в России» князя М.Щербатова и «Путешествие» А.Радищева. М., 1984. С.85).

¹⁰⁴ См.: Сб. РИО. Т.64. С.529-530; *Понов Н.А.* Граф Петр Андреевич Толстой: Биографический очерк // ДИИР. 1875. № 3. С.243. Н.И.Павленко считает, что подобной аудиенции не было; во всяком случае, она не оставила следов в документах. Возможно, французский резидент был неточен или принял желаемый для него протест за действительный. Но о сопротивлении царской семьи планам Меншикова сообщали и другие дипломаты (см.: *Павленко Н.И.* Полудержавный властелин. С.302; *он же*. Птенцы гнезда Петрова. М., 1988. С.235; Сб. РИО. Т.15. С.329-330; *Брикнер А.Г.* Россия и Дания при императрице Екатерине I // РМ. 1895. № 7. С.117).

¹⁰⁵ См.: Повседневные записки делам князя А.Д. Меншикова... С.517-526.

¹⁰⁶ См.: *Брикнер А.Г.* Императрица Екатерина I, 1725-1727 // ВЕ. 1894. № 2. С.630; Сб. РИО. Т.64. С.541.

¹⁰⁷ Цит. по: *Павленко Н.И.* Птенцы гнезда Петрова. С.216,223-224. В свое время именно Девиер наблюдал за обучением маленького Петра и докладывал об этом Екатерине (см.: РГАДА. Ф.9. Оп.5. № 1. Ч.5. Л.167).

¹⁰⁸ Судьба этой группировки прослежена в биографии А.П.Ганнибала (См.: *Левиц Г.А.* Абрам Петрович Ганнибал: биографическое исследование. Таллин, 1984. С.55-65).

¹⁰⁹ См.: *Соловьев С.М.* Соч. Кн.Х. С.90.

¹¹⁰ Согласно академическому календарю, воскресенье выпадало в 1727 г. на 15 апреля (см.: Календарь или месяцеслов в лето от Рождества Христова...1727. СПб., 1727), однако в датировках «повседневных записок» Меншикова наблюдается сдвиг на один день; воскресенье, таким образом, обозначается 16 апреля.

¹¹¹ См.: *Брикнер А.Г.* Императрица Екатерина I, 1725—1727 // ВЕ. 1894. № 2. С.634-635; Сб.

РИО. Т.64. С.563-564.; Т.15. С.334; Т.3. С.464-465; *Алексеев А.С.* Сильные персоны в Верховном Тайном совете Петра II и роль князя Голицына при воцарении Анны Иоанновны. М., 1898. С.6-7.

¹¹² См.: *Брикнер А.Г.* Императрица Екатерина I, 1725–1727 // ВЕ. 1894. № 2. С.636-637.

¹¹³ См.: Повседневные записки делам князя А.Д.Меншикова... С.539-540; Сб. РИО. Т.63. С.449-458. «Повседневные записки» Меншикова сообщают о какой-то «консилие» с министрами во дворце 1 мая 1727 г., которая также не указана в протоколах Верховного Тайного совета (см.: Повседневные записки делам князя А.Д.Меншикова... С.544). Но к этому времени на фоне проходившего следствия вопрос о престолонаследии и его условиях был уже решен.

¹¹⁴ См.: Повседневные записки делам князя А.Д.Меншикова... С.543. В те же дни по распоряжению Меншикова камергер Левенвольде получил 5 тысяч рублей на покупку двора (см.: Высочайшие повеления по придворному ведомству. С.30).

¹¹⁵ См.: РГАДА. Ф.6. Оп.1. № 159. Ч.5. Л.6.

¹¹⁶ См.: Там же. Ч.1. Л.16,22; Ч.5. Л.30,51.

¹¹⁷ См.: Повседневные записки делам князя А.Д.Меншикова... С.546; РГАДА. Ф.6. Оп.1. № 159. Ч.5. Л.80.

¹¹⁸ В следственном деле имеется копия приговора-«сентенции» с указанием, что он подписан Екатериной (см.: РГАДА. Ф.6. Оп.1. № 159. Ч.1. Л.42).

¹¹⁹ См.: ПСЗ. Т. VII. № 5084.

¹²⁰ См.: Записка о кончине императрицы Екатерины Алексеевны и о вступлении на престол государя императора Петра II Алексеевича. СПб., б.г. С.1; *Петров П.Н.* Указ. соч. С.243; Об изоляции Екатерины свидетельствуют и иностранные дипломаты (см.: *Толстой М.* Краткое описание жизни графа П.А.Толстого (сочинение французского консула Виллардо) // РА. 1896. № 1. С.27; Сб. РИО. Т.64. С.568.

¹²¹ РГВИА. Ф.2584. Оп.1. № 56. Л.170 об.

¹²² См.: Сб. РИО. Т.63. С.480,508; ПСЗ. Т.VII. № 5070.

¹²³ РГВИА. Ф.2584. Оп.1. № 47. Л.426 об.

¹²⁴ См.: Сб. РИО. Т.3. С.473.

¹²⁵ См.: *Вильбуа Ф.* Рассказы о российском дворе // ВИ. 1992. № 4-5. С.139; *Павленко Н.И.* Полудержавный властелин. С. 360.

¹²⁶ РГАДА. Ф.2. Оп.1. № 21. Л.2-5; Ср.: ПСЗ. Т.VII. № 5070.

¹²⁷ См.: РГАДА. Ф.2. Оп.1. № 21. Л.6-7 (протокол).

¹²⁸ См.: Там же. Л.8-10,12-14 (копии); Л.5а (конверт с тремя печатями и с записью В.П.Степанова: «Тестамент объявленной 7 мая 1727 г. и с него список моей руки» и другой записью: «взяв из Иностранной коллегии 27 ноября 1741 г.». На л.14 запись Г.И.Головкина: «1730 августа 9 день в воскресенье в Ызмайлове ее величество государыня императрица изволила мне приказать, чтоб прислать завещательное письмо императрицы Екатерины Алексеевны с Васильем Степановым, и то письмо назафтрея 10 числа послал я в Ызмайлово к ее императорскому величеству с Васильем Степановым, запечатав, и он, отвесчи, мне сказал, что он вручил самой ей, государыне, то письмо»).

¹²⁹ См.: РГАДА. Ф.6. Оп.1. № 564. Л.17-17 об.; № 559. Л.1. Подлинником его считал и историк кн. Н.В.Голицын, который изучал его и оставил на отдельном листке бумаги свои замечания (см.: РГАДА. Ф.2. Оп.1. № 21. Л.11-11).

¹³⁰ См.: *Ансимов Е.В.* Россия без Петра. СПб., 1994. С.138-139; *Соловьев С.М.* Соч. Кн.Х. С.307. Историк ссылался и на какой-то документ, подтверждавший эту версию; но обнаружить его издателям и комментаторам труда Соловьева не удалось.

¹³¹ См.: *Лекарский П.П.* Исторические бумаги, собранные К.И.Арсеньевым. Т.9. С.224-225. Интересно, что какой-то текст «духовной» Екатерины на немецком языке у хитрого министра явно был и зафиксирован в «реестре писем и бумаг» Остермана и Головкина, составленной в Коллегии иностранных дел (см.: РГАДА. Ф.1261. Оп.1. № 388. Л.1 об).

¹³² См.: *Бантыш-Каменский Д.Н.* Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. СПб., 1840. Ч.1. С.5; *Ланпо-Данилевский А.С.* Россия и Голштиния (очерк из истории германо-русских отношений в XVIII в.) // Исторический архив. 1919. Кн.1. С.268; *Яковлев Н.Н.* Европа накануне Семилетней войны. М., 1997. С.21. Кажется, что это утверждение опирается на мнение французского Лаво (см.: *Laveaux J.* Histoire de Pierre III. Paris, 1799. Vol.2. P.177), ничем, однако, не подтвержденное.

¹³³ Сб. РИО. Т.63. С.535-536.

¹³⁴ См.: Там же. Т.84. С.689.

¹³⁵ См.: АВПРИ. Ф.44. Оп.44/1. 1733 г. № 3. Л.99-99 об.,125 об.,251-251 об.

¹³⁶ См.: РГАДА. Ф.11. Оп.1. № 69. Л.2-4.

¹³⁷ См.: *Kirchner W.* Ор. cit. P.260-261; РГАДА. Ф.11. Оп.1. № 69. Л.3.

¹³⁸ См.: *Брикнер А.Г.* Россия и Дания при императрице Екатерине I // РМ. 1895. № 9. С.28-30. О том, что именно Елизавета подписывала «набросок завешания», знал и Маньян; но он полагал, что «правильный» немецкий текст был написан уже позднее (см.: Сб. РИО. Т.75. С.70-71).

¹³⁹ Сб. РИО. Т.64. С.576.

¹⁴⁰ См.: *Брикнер А.Г.* Россия и Дания при императрице Екатерине I // РМ. 1895. № 9. С.27.

¹⁴¹ ПСЗ. Т.VII. № 5131.

¹⁴² См.: АВПРИ. Ф.32. Оп. 32/1. 1727 г. № 6. Ч.2. Л.307-308,331.

¹⁴³ Там же. № 13. Л.103-106.

¹⁴⁴ См.: Testament ihres kaysrl. majestat Catharina Alexiejowna selbthalterin von Russland welche den 17 may 1727 zu Petersburg. Stockholm, 1727. Печатный экземпляр этого издания, доставленный из Швеции русскими дипломатами, см.: РГАДА. Ф.2. Оп.1. № 22. Л.1-10. В этом тексте, также состоявшем из 16 параграфов, нет ошибок, присущих русскому «подлиннику»: там проставлена дата совершеннолетия императора (16 лет); имеется в наличии § 12 о браке императора с дочерью Меншикова.

¹⁴⁵ Он имел личные «покою» в Зимнем дворце, право доклада по делам своего ведомства – Военной коллегии и еще ряд привилегий, в том числе производства в чины офицеров вплоть до полковника по своему усмотрению (см.: *Арсеньев К.И.* Указ. соч. С.14; *Павленко Н.И.* Полудержавный властелин. С.243; ПСЗ. Т.VII. № 4835). Екатерина I заказала скульптору Б.К.Растрелли создать «восковую персону» князя (см.: *Архинов Н.И., Раскин А.Г.* Б.К.Растрелли. М.–Л., 1964. С.22).

¹⁴⁶ См.: Опись высочайшим указам и повелениям... Т.2. С.32,44-45.

¹⁴⁷ См.: *Брикнер А.Г.* Императрица Екатерина I, 1725–1727 // ВЕ. 1894. № 1. С.128; Сб. РИО. Т.15. С.321-322.

¹⁴⁸ См.: *Петрухинцев Н.Н.* Интермедия с булавой // Родина. 1999. № 8. С.76.

¹⁴⁹ См.: *Ланчулидзева С.А.* История кавалергардов. 1724–1799–1899. По случаю столетнего юбилея Кавалергардского ее величества полка. СПб., 1899. Т.1. С.183.

¹⁵⁰ См.: РГВИА. Ф.2584. Оп.1. № 19. Л.105 и далее.

¹⁵¹ См.: Сб. РИО. Т.64. С.265; *Филиппов А.Н.* История Сената в правление Верховного Тайного совета и Кабинета. Юрьев, 1895. С.227.

¹⁵² См.: Повседневные записки делам князя А.Д.Меншикова... С.446,449,454,456-457.

¹⁵³ См.: Сб. РИО. Т.63. С.513-514,525,555. О «высокой нравственности» Остермана, отказавшегося ранее от австрийского «пенсiona» сообщал также посол Рабутин (см.: *Брикнер А.Г.* Австрийские дипломаты в России. // ВЕ. 1893. № 12. С.528).

¹⁵⁴ См.: Сб. РИО. Т.63. С.481; *Алексеев А.С.* Сильные персоны... С.15-16.

¹⁵⁵ См.: ПСПРВПИ. Т.6. С.37.

¹⁵⁶ Наставник царя Семен Маврин отправился в Тобольск; вслед за ним туда же был послан Абрам Ганнибал – строить крепость на границе с Китаем. Был выслан за границу другой учитель Петра, венгр Иван Зейкин. Аграфена Волконская отправлена сначала в деревню, а затем в монастырь (о ссылке графа Санти, С.Маврина, А.Ганнибала см.: АВПРИ. Ф.15. Оп.15/3. 1727 г. № 82. Л.1).

¹⁵⁷ Молодой флотский унтер-лейтенант Семен Мордвинов запомнил, как несостоявшаяся императрица России «с горестными слезами изволила мне вручить письма к государыне и к государыне цесаревне Елисавете Петровне и сестрице государевой Наталье Алексеевне, и пожаловав меня к руке, в слезах изволила пойти в свой кабинет» (цит. по: Архив графов Мордвиновых. СПб., 1901. Т.2. С.23).

¹⁵⁸ См.: *Кореневит В.А.* Крепость Петерштадт (археологические исследования в Ораниенбауме) // Памятники культуры. Новые открытия. 1993. М., 1994. С.517-518.

¹⁵⁹ См.: *Спаский И.Г.* Санкт-Петербургский монетный двор в 1724–1727 гг. // Сообщения Государственного Эрмитажа. Л., 1977. Вып.42. С.60.

¹⁶⁰ См.: Заслуги и подвиги его высококняжеской светлости князя Александра Даниловича Меншикова... // Сын Отечества. 1848. № 1. С.2,18; № 6. С.14-15.

¹⁶¹ См.: Пьесы столичных и провинциальных театров первой половины XVIII в. М., 1975. С.311,653.

¹⁶² См.: РГАДА. Ф.9. Оп.5. № 5а. Л.180 об.

¹⁶³ См.: ПСПРВПИ. Т.6. С.22. За два дня до смерти Екатерины светлейший нашел время, чтобы лично прибыть в Синод и добиться развода провинциального чиновника Максима Пархомова со второй женой Дарьей Колтовской, которая имела неосторожность в качестве соседки Меншикова по имению не «уступить» князю своих же беглых крепостных (см.: *Курукин И.В.* Романс о прелюбодейцах // Родина. 1999. № 7. С.54-57).

¹⁶⁴ См.: Сб. РИО. Т.69. С.123.

¹⁶⁵ См.: РГАДА. Ф.198. Оп.1. № 243. Л.8-13.

¹⁶⁶ См.: РГВИА. Ф.410. Оп.1. № 102; Сб. РИО. Т.69. С.123.

¹⁶⁷ РГАДА. Ф.11. Оп.1. № 63. Л.3-4.

¹⁶⁸ См.: *Есипов Г.В.* Ссылка князя Меншикова // ОЗ. 1860. № 8. С.379-380; *Павленко Н.И.* А.Д.Меншиков. С.145,148.

¹⁶⁹ См.: Сб. РИО. Т.75. С.79; Т.3. С.488-489; Т.15. С.380,384; *Брикнер А.Г.* Русский двор при Петре II, 1727–1730: по документам Венского архива // ВЕ. 1896. № 2. С.560. Детали происшествия с поднесением Петру II денег в передаче разных лиц выглядят по-разному, но скорее всего речь шла о 500 червонцах от ярославских посадских, которые попали в число дворцовых доходов в августе 1727 г. (см.: РГАДА. Ф.1239. Оп.3. № 35164. Л.1).

¹⁷⁰ См.: *Павленко Н.И.* А.Д.Меншиков. С.165; Сб. РИО. Т.69. С.394.

- ¹⁷¹ Цит. по: *Брикнер А.Г.* Русский двор при Петре II, 1727–1730: по документам Венского архива // *ВЕ.* 1896. № 2. С.560.
- ¹⁷² См.: Там же. С.562.
- ¹⁷³ См.: Там же. С.563–564.
- ¹⁷⁴ См.: Там же. С.567; РГАДА. Ф.7. Оп.1. № 226. Л.15.
- ¹⁷⁵ См.: Там же. Ф.9. Оп.5. № 67. Л.72.
- ¹⁷⁶ РГВИА. Ф.2584. Оп.1. № 47. Л.465.
- ¹⁷⁷ Сб. РИО. Т.69. С.270–271; ПСЗ. Т. VII. № 5151.
- ¹⁷⁸ См.: ПСЗ. Т.VII. № 5150. Как государственный переворот эта акция и оценивалась правоведами (см.: *Алексеев А.С.* Сильные персоны... С.21).
- ¹⁷⁹ Остерман убедил коллег купить для сестры императора бриллианты на 85 тысяч рублей (см.: Сб. РИО. Т.69. С.271,293).
- ¹⁸⁰ См.: Сб. РИО. Т.69. С.271–272,274,447,714,775,781,786,795,802.
- ¹⁸¹ См.: РГВИА. Ф.2. Оп.13. № 12. Л.30. Этим же указом коллегии запрещалось «войска никому без указу нашего из Верховного Тайного совета из места на место не переводить».
- ¹⁸² См.: АВПРИ. Ф.32. Оп. 32/1. 1727 г. № 6. Ч.2. Л.275–275 об.
- ¹⁸³ Там же. Ф.74. Оп.74/1. 1727 г. № 7. Л.308–308 об.; № 12. Л.12.
- ¹⁸⁴ Переводы иностранных газет см.: Там же. Ф.11. Оп.11/1. 1727 г. № 139. Л.4,6–17,22,23.
- ¹⁸⁵ См.: *Овчинников Р.В.* Крушение «полудержавного властелина» (документы следственного дела князя А.Д.Меншикова) // *ВИ.* 1970. № 9. С.90–91; Сб. РИО. Т.3. С.498; Т.75. С.98–99.
- ¹⁸⁶ См.: *Овчинников Р.В.* Указ. соч. С.94–95.
- ¹⁸⁷ Эти же донесения сообщают и о «запросах» Меншикова (см.: *Брикнер А.Г.* Австрийские дипломаты в России. С.523–524).
- ¹⁸⁸ См.: Сб. РИО. Т.75. С.45,50; Т.3. С.478,489; Т.15. С.321–322,350–351,386–387.
- ¹⁸⁹ См.: *Вернадский Г.В.* Русская история. М., 1997. С.161; История России с древнейших времен до 1861 г. /Под ред. Н.И.Павленко. М., 1998. С.293; История СССР с древнейших времен до конца XVIII в. /Под ред. Б.А.Рыбакова. М., 1983. С.321; Очерки истории СССР. Россия во второй четверти XVIII в. М., 1957. С.250; Очерки русской культуры XVIII в. М., 1987. Ч.2. С.14.
- ¹⁹⁰ См.: *Шумигорский Е.С.* Император Павел I. Жизнь и царствование. СПб., 1907. С.216; *Наумов В.П.* Некоторые особенности источниковедческого анализа дипломатических реляций XVIII в. // *Источниковедение и краеведение в культуре России: Сб. к 50-летию служения Сигурда Оттовича Шмидта Историко-архивному институту.* М., 2000. С.147.
- ¹⁹¹ См.: Письма о России в Испанию испанского посланника в России при императоре Петре II и в начале царствования Анны Иоанновны // *Осмнадцатый век.* М., 1869. Кн. II. С.16.
- ¹⁹² См.: Там же. С.45,74,89,97–98,120,122,157.
- ¹⁹³ См.: Там же. С.33–34,68.
- ¹⁹⁴ Сб. РИО. Т.15. С.364–365,375.
- ¹⁹⁵ См.: *Брикнер А.Г.* Русский двор при Петре II, 1727–1730: по документам Венского архива // *ВЕ.* 1896. № 2. С.583; № 3. С.41; Сб. РИО. Т.15. С.349,351. А.Мардефельд находил, что у принцессы Елизаветы «образ мыслей вполне немецкий» (см.: Там же. С.384).
- ¹⁹⁶ См.: Сб. РИО. Т.75. С.78,108.
- ¹⁹⁷ См.: Там же. С.102–104,146,195,238,249,267,309,318–320,415.
- ¹⁹⁸ См.: Там же. Т.66. С.24,45–47,104–105,230.
- ¹⁹⁹ Упразднились все местные органы и должности Камер- и Юстиц-коллегий. В центре ликвидировалась Мануфактур-коллегия (ее дела передавались в Коммерц-коллегию, а затем в Сенат) и Главный магистрат; городские магистраты переименовывались в ратуши и подчинялись отныне воеводам (см.: ПСЗ. Т.VII. № 4928, 4933, 5017, 5033; Т.VIII. № 5142, 5302).
- ²⁰⁰ *Анисимов Е.В.* Внутренняя политика Верховного Тайного совета. С.14.
- ²⁰¹ *Готье Ю.В.* История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. М., 1913. Т.1. С.101; *Павлов-Сильванский Н.П.* Мнения верховников о реформах Петра Великого. С.378,386; *Троицкий С.М.* Финансовая политика российского абсолютизма в XVIII в. С.26.
- ²⁰² См.: Сб. РИО. Т.69. С.43,82,250,379,918; Т.94. С.804.
- ²⁰³ См.: ПСЗ. Т. VII. № 4918, 5000.
- ²⁰⁴ См.: РГАДА. Ф.1261. Оп.6. № 6. Л.1–19.
- ²⁰⁵ См.: *Козлова Н.В.* Российский абсолютизм и купечество в XVIII в.: 20-е – начало 60-х гг. М., 1999. С.276–296. Возглавляемая Остерманом комиссия о коммерции обоснованно полагала, что «тепличные» условия существования отечественных предприятий не способствуют повышению качества их продукции. Столичные купцы в 1727 г. указывали, что отечественные поставщики «бархатов венецких и флоренских атласов» делать не умеют; да и прочий «ширпотреб» «против заморского ничто добротой не будет и весьма плоше» (см.: *Лодыженский К.И.* История русского таможенного тарифа. СПб., 1886. С.71).
- ²⁰⁶ ПСЗ. Т.VII. № 5039.
- ²⁰⁷ См.: *Акишин М.О.* Сибирский приказ в системе управления Сибирью в 1730–1763 годах // *Российская государственность: традиции, преемственность, перспективы: Материалы II Чтенной памяти профессора Т.П.Коржихиной.* М., 1999. С.47.

- ²⁰⁸ См.: *Ардашев Н.Н.* Регламент Вотчинной коллегии в проектах 1723, 1732 и 1740 гг. М., 1890. С.211; *Вяземский Б.Л.* Указ. соч. С.291.
- ²⁰⁹ *Богословский М.М.* Указ. соч. С.453.
- ²¹⁰ См.: РГАДА. Ф.248. Оп.31. № 1965. Л.96 об. и далее.
- ²¹¹ См.: РГВИА. Ф.23. Оп.1/ 121. № 825. Л.2,4 об.-5.
- ²¹² См.: ПСЗ. Т.VII. № 4650, 5010. Одновременно в 1726 и 1727 г. проходили новые рекрутские наборы (см.: Там же. № 4845, 4868, 5169, 5195), и крепостным запрещалось добровольно уходить в армию (см.: Там же. № 5161).
- ²¹³ Из доклада Камер-коллегии Сенату в ноябре 1727 г. следовало, что из присланных по 61 полку вестников из 2 529 880 плательщиков убыло по причине смерти, бегства, разорения, инвалидности 325 885 душ; соответственно, 228 119 рублей подати не поступило в казну (см.: РГАДА. Ф.248. Оп.13. № 689. Л.173–174). О том же докладывали в столицу местные власти: так, вологодский воевода доносил, что во вверенных ему Вологодском и Тотемском уездах к 1729 г. выбыло из подушного оклада 34 734 души, и недоимки он «взыскивать не смеет, дабы тем достальных не разогнать» (см.: Там же. № 703. Л.290).
- ²¹⁴ При этом к властям поступала информация об иной системе уплаты налогов европейскими горожанами «по пропорции пожитков» (см.: *Троицкий С.М.* Борьба посадов против фискальной политики русского абсолютизма в 20-х гг. XVIII в. // *Города феодальной России.* М., 1966. С.429–430,435–436).
- ²¹⁵ РГАДА. Ф.19. Оп.1. № 22. Л.49 об.
- ²¹⁶ См.: ПСЗ. Т.VIII. № 5221.
- ²¹⁷ См.: РГАДА. Ф.9. Оп.4. № 29. Л.275,277.
- ²¹⁸ См.: Сборник военно-исторических материалов. СПб., 1893. Т.3. С.16–21; Сб. РИО. Т.79. С.268,281; Т.94. С.112–113,126,838.
- ²¹⁹ См.: РГАДА. Ф.16. Оп.1. № 76. Л.1–4.
- ²²⁰ См.: *Барсов Н.И.* Черты русской истории и быта эпохи Петра II // *ИВ.* 1891. № 11. С.414–415.
- ²²¹ См.: ПСЗ. Т.VIII. № 5385, 5490.
- ²²² См.: *Копанев Н.А.* Почему было прекращено первое научное периодическое издание на русском языке // *Книга в России XVII – начала XIX вв.: проблемы создания и распространения.* Л., 1989. С.41–45.
- ²²³ Лефортов сообщил о вывешенном в Москве указе, «которым под строжайшим наказанием запрещалось говорить о том, возвратился ли царь в Петербург или нет» (Сб. РИО. Т.5. С.302).
- ²²⁴ См.: Материалы для истории имп. Академии наук. СПб., 1885. Т.1. С.291.
- ²²⁵ См.: *Петров П.Н.* Указ. соч. С.257–260.
- ²²⁶ См.: *Маркович Я.* Дневные записки малороссийского подскарбия генерального Якова Марковича. М., 1859. Т.1. С.212,235,245,275–277,282,289,291,299–300,308–309,311.
- ²²⁷ *Вяземский Б.Л.* Указ. соч. С.386.
- ²²⁸ См.: *Есинов Г.В.* Росписи охоты царской за своеручным подписанием императора Петра II в январе 1729 г. // *РА.* 1869. № 10. С.1675–1681.
- ²²⁹ По дороге он занимал деньги у встреченных по пути заводчика Никиты Демидова и коломенского воеводы Григория Кишкина; счета на оплату путевых издержек приходили в Дворцовую канцелярию еще несколько месяцев после смерти царя-охотника (см.: РГАДА. Ф.1239. Оп.3. № 24857. Л.1 об.-2).
- ²³⁰ Австрийский посол Вратислав даже хотел выписать из Германии разбиравшегося в тонкостях охоты профессора, чтобы просвещать дичавшего на охоте царя; но этот план так и не был осуществлен – возможно, из-за отсутствия подходящего специалиста (см.: *Брикнер А.Г.* Русский двор при Петре II, 1727–1730: по документам Венского архива // *ВЕ.* 1896. № 1. С.113).
- ²³¹ Сб. РИО. Т.5. С.316.
- ²³² За весь 1729 г. Петр подписал 9 указов Верховного Тайного совета, в основном касавшихся раздач земель и чинов. Сохранилось только 4 именных указа Петра II по находившемуся под непосредственным командованием императора Преображенскому полку и столько же – по Военной коллегии (см.: РГВИА. Ф.2583. Оп.1. № 130. Л.1; Ф.2. Оп.13. № 1 2. Л.26–30).
- ²³³ *Вяземский Б.Л.* Указ. соч. С.57.
- ²³⁴ См.: РГАДА. Ф.9. Оп.4. № 74. Л.471–486 об.
- ²³⁵ См.: Высочайшие повеления по придворному ведомству. С.41–46. Увеличение роскоши и престижа придворной службы отметили и иностранные наблюдатели (см.: Материалы для русской истории, хранящиеся в Чехии // *РА.* 1883. № 6. С.233).
- ²³⁶ См.: РГАДА. Ф.14. Оп.1. № 55. Ч.1. Л.88–89. Речь идет не обо всех расходах на двор, а только на жалование придворным.
- ²³⁷ Сб. РИО. Т.66. С.47–48.
- ²³⁸ См.: Империя после Петра, 1725–1765. С.240. На место наперсника юного царя претендовали и другие представители придворной молодежи: Голицыны, Бутурлины, молодые братья Кантемиры, которые на какое-то время обратили на себя внимание Петра II. «Авось и последний будет первый», – записал 19-летний Антиох Кантемир, будущий поэт и дипломат, в своем кален-

даре весной 1728 г. (*Кантемир А.Д.* Сочинения, стихи и избранные переводы. СПб., 1868. Т.2. С.346-347).

²³⁹ См.: РГАДА. Ф.1239. Оп.3. № 35043. Л.2-2 об. Обер-камергер, как следует из составленного после опалы списка его долгов, занимал даже небольшие суммы (28 рублей у поручика Петра Ханькова «для гулянья с охотою в разных местах») и не платил за взятые товары — юбки, лекарства, вина и даже за «кружевной фантаж брабанской» для своей невесты (см.: РГАДА. Ф.248. Оп.5. № 229. Л.46-46 об.,53).

²⁴⁰ См.: Сб. РИО. Т.101. С.321-322; РГВИА. Ф.2584. Оп.1. № 19. Л.157,174-175. В 1729 г. капитан И.А.Долгоруков уже не только отдавал императорские указы по полкам, но и требовал подавать ему ежедневные рапорты (см.: РГВИА. Ф.1284. Оп.1. № 160. Л.2).

²⁴¹ См.: Россия и Испания: Документы и материалы. М., 1991. Т.1. С.140; Сб. РИО. Т.75. С.257; Т.66. С.44. Способности младшего Долгорукова к интриге не шли далее попытки соблазнения красавицы-жены камер-юнкера Никиты Трубецкого, которого он намеревался отправить на службу в Сибирь, на что обиженный муж пожаловался отцу фаворита (см.: Сб. РИО. Т.75. С.379).

²⁴² *Вяземский Б.Л.* Указ. соч. С.42.

²⁴³ См.: Сб. РИО. Т.69. С.277,348,482,514,560-561,591,619,703,738,802,805; Т.84. С.169,172,175,217,239,712; Т.94. С.36,38,39,56,100,167,405,531,787. Когда в феврале 1729 г. Верховный Тайный совет усомнился в подлинности подписи царя под указом об очередной раздаче деревень, вице-канцлер заверил коллег в «силе» царского автографа (см.: Сб. РИО. Т.94. С.170-171).

²⁴⁴ См.: Сб. РИО. Т.94. С.503,506. О содержании архива Остермана см. «реестр» его писем и бумаг, составленный после ареста: РГАДА. Ф.1261. Оп.1. № 388. 2-2 об.

²⁴⁵ Как показывают дела Тайной канцелярии, сторонники у Меншикова были и выражали ему сочувствие в опале — как, например, капитан-лейтенант В.Казанцев (см.: РГАДА. Ф.7. Оп.1. № 237. Л.4).

²⁴⁶ См.: *Алексеев А.С.* Сильные персоны... С.55.

²⁴⁷ Первая же попытка Волконской и ее друзей собраться в подмосковном Тушине вызвала донос и следствие. Итогом стало обвинение, что «они все делали партии и искали при дворе е. и. в. для собственной своей пользы делать интриги и теми интригами причинить беспокойство», и ссылка княгини Волконской в монастырь, а ее друзей — на службу в провинциальные города и в Иран (см.: *Шубинский С.Н.* Княгиня А.П. Волконская и ее друзья // ИВ. 1904. № 12. С.944-949,953-955; РГАДА. Ф.6. Оп.1. № 162. Л.6,9 об.-10 об.,24 об.,25 об.,34 об.

²⁴⁸ Сб. РИО. Т.5. С.313.

²⁴⁹ См.: *Брикнер А.Г.* Русский двор при Петре II, 1727—1730: по документам Венского архива // ВЕ. 1896. № 3. С.8.; Сб. РИО. Т.5. С.314; Т.75. С.379-380; Письма о России в Испанию... С.56,80,92,146.

²⁵⁰ Сб. РИО. Т.3. С.502.

²⁵¹ См.: *Брикнер А.Г.* Русский двор при Петре II, 1727—1730: по документам Венского архива // ВЕ. 1896. № 1. С.104.

²⁵² Немецкий текст этого сочинения опубликован (*Klueting H., Klueing E.* Graf Ostermann. Urkunden und Regesten. Amsterdam, 1972. Vol.2. S.153-195).

²⁵³ Сб. РИО. Т.5. С.322-323.

²⁵⁴ Цит. по: *Брикнер А.Г.* Русский двор при Петре II, 1727—1730: по документам Венского архива // ВЕ. 1896. № 1. С.104-105.

²⁵⁵ Челобитную У.Шишкина см.: РГАДА. Ф.248. Оп. 13. № 720. Л.59.

²⁵⁶ См.: *Индова Е.И.* Дворцовое хозяйство в России (первая половина XVIII в.). М., 1964. С.70; она же. К вопросу о дворянской собственности в России в поздний феодальный период // Дворянство и крепостной строй России XVI—XVIII вв. М., 1975. С.278.

²⁵⁷ См.: РГАДА. Ф.11. Оп.1. № 393. Л.434-449.

²⁵⁸ См.: Сб. РИО. Т.69. С.534-535,729-730. Так, например, в борьбе за вотчины Меншикова генерал Г.Д.Юсупов столкнулся с запросами братьев Бибиковых (см.: Сб. РИО. Т.101. С.2-4).

²⁵⁹ См.: Там же. Т.75. С.104.

²⁶⁰ См.: ПСПРВПИ. Т.6. С.401-402.

²⁶¹ См.: *Некрасов Г.А.* Указ. соч. С.189-190.

²⁶² АВПРИ. Ф.53. Оп.53/1. 1730 г. № 5. Л.22.

²⁶³ См.: Сб. РИО. Т.5. С.332,338.

²⁶⁴ Цит. по: *Брикнер А.Г.* Русский двор при Петре II, 1727—1730: по документам Венского архива // ВЕ. 1896. № 3. С.41.

²⁶⁵ Утром 6 января Петр II почему-то не был на обедне в Успенском соборе. Во время службы неизвестный человек «в красной епанче без парика» сообщил присутствующему духовенству, что «к процессии на Иордань его императорское величество быть не изволит». Из сохранившегося в архиве Синода дела об этом происшествии видно, что служба на Москве-реке закончилась до прибытия царя (см.: *Львов А.Н.* Незыблительный эпизод из царствования Петра II // ИВ. 1896. № 7. С.75-78).

²⁶⁶ Цит. по: Исторические песни XVIII в. С.159.

²⁶⁷ См.: *Троицкий С.М.* Самозванцы в России XVII—XVIII вв. // ВИ. 1969. № 3. С.142; РГАДА. Ф.7. Оп.1. № 1405; Ф.248. Оп. 13. № 689. Л.189.

²⁶⁸ См.: РГАДА. Ф.149. Оп.1. № 79. Л.24.

²⁶⁹ См.: *Комиссаренко А.И.* Русский абсолютизм и духовенство в XVIII в. (очерки истории секуляризационной реформы 1764 г.). М., 1990. С.93; Сб. РИО. Т.94. С.228-229.

²⁷⁰ См.: Там же. Т.5. С.344.

²⁷¹ Перевороты и войны. С.291.

²⁷² Цит. по: *Корсаков Д.А.* Из жизни русских деятелей XVIII в. Казань, 1891. С.200.

²⁷³ См.: *Долгоруков П.В.* Время императора Петра II и императрицы Анны Иоанновны. М., 1909. С.61; «О повреждении нравов в России»... С.96.

²⁷⁴ См.: Перевороты и войны. С.25.